

Настоящие
сказки
Шарля
Перро

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Шарль Перро
Настоящие сказки
Шарля Перро
Серия «Подарочные издания.
Иллюстрированная классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68755761

Настоящие сказки Шарля Перро. Коллекционное иллюстрированное издание / Перро Шарль, Перевод с франц. под. ред. М.А. Петровского:

Алгоритм; Москва; 2023

ISBN 978-5-907363-37-3

Аннотация

Шарль Перро – признанный мастер волшебных авторских сказок. Каждая из них сияет своей выдумкой, а реальный мир отражается в её гранях той или другой стороной. В его сказках есть именно та смесь непостижимо чудесного и обыденного, простого, возвышенного и смешного, что составляет отличительную черту настоящей сказочной фантастики.

В данном сборнике все сказки Перро даны в неадаптированных переводах, изданных в 1936 году под редакцией Михаила Александровича Петровского – литературоведа и переводчика.

В настоящий сборник включены не только все сказки Шарля Перро, прозаические и стихотворные, но также и некоторые наиболее известные сказки его продолжателей и последователей (писательниц Мари-Катрин д'Онуа, Леритье де Виллодон, Лепренс де Бомон), как образцы французской сказочной литературы XVII-XVIII веков.

Книга иллюстрирована гравюрами Гюстава Доре, а также великолепными рисунками Джона Гилберта, Уолтера Крейна, Джона Баттена, Анри де Монто, Жюля-Мари Дезандре, Клемана-Пьера Марилье, и Александра Дмитриевича Силина, представляющими большую историческую и художественную ценность.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Сказки Перро	8
Биография	46
Сказки матушки гусыни	49
Предисловие автора	50
Спящая красавица	57
Красная шапочка	77
Синяя Борода	84
Кот в сапогах	98
Феи	110
Золушка, или Хрустальная туфелька	116
Рике-с-хохолком	130
Мальчик-с-пальчик	142
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Шарль Перро

Настоящие сказки Шарля Перро. Коллекционное иллюстрированное издание

*Из этой присказки становится ясней:
Опасно детям слушать злых людей,
Особенно ж девицам
И стройным, и прекрасными.
Совсем не диво и не чудо
Попасть волкам на третье блюдо.*

«Красная Шапочка». Шарль Перро

«Я утверждаю даже, что мои рассказы больше заслуживают рассказывания, чем большая часть античных сказок, в особенности такие, как «Матрона эфесская» и «Психея», если рассматривать их в отношении морали, что во всех видах рассказов важнее всего и ради чего они и должны бы создаваться».

Ш. Перро. Предисловие к первому сборнику своих стихотворных сказок (1695)

«Сказки имеют целью показать, каковы преимущества честности, терпения,

предусмотрительности, усердия и послушания и какие беды постигают тех, которые уклоняются от этих добродетелей».

Ш. Перро. Предисловие к первому сборнику своих стихотворных сказок (1695)

«Милетские рассказы [сказки] так ребячливы, что слишком много чести противопоставлять их нашим сказкам матушки Гусыни или об Ослиной Коже».

Шарль Перро. «Сравнение древних и новых в вопросах искусств и наук»(т. 2, 1691)

Шарль Перро был четвёртым после Г. Х. Андерсена, Д. Лондона и братьев Гримм по издаваемости в СССР зарубежным писателем за 1917–1987 годы: общий тираж его 300 изданий составил 60,798 млн экземпляров.

Книгоиздание СССР. Цифры и факты. 1917—1987

издательство

алгоритм

Сказки Перро

I

В 1696 году в журнале «*Mercuré Galant*» (Галантный Меркурий) была напечатана без подписи автора прозаическая сказка «Спящая красавица» («*La belle au bois dormant*»).

В следующем году эта сказка с рядом других была включена в состав сборника «*Histoires, ou Contes du Temps Passé (Contes de ma Mère l'Oye) avec des moralités*». [Истории, или Сказки былых времён Сказки моей матушки Гусыни) с моральными поучениями].

Сборник этот вышел одновременно двумя изданиями – в Париже и в Голландии (в Гааге), причём в парижском издании автором сборника назван Пьер Дарманкур – сын известного тогда писателя Шарля Перро.

Впоследствии была установлена принадлежность сказок самому Перро. Вопрос об авторстве Перро разрешался различно. Сам Перро никогда не признавал себя автором этих сказок, и при жизни его в печати ни разу имя его как автора сказок в прозе не называлось. Только в издании 1724 года сказки приписаны Перро, и в течение очень долгого времени считалось, что именно Перро является их автором; в част-

ности, неоднократно указывалось на то, что сыну Перро в период выхода в свет сказок было всего 8–9 лет, и потому совершенно невозможно говорить о нём как об авторе (хотя фактически же Дарманкуру было на 10 лет больше, и в этом плане авторство его возможно). Некоторые критики полагали, что Перро только прикрылся именем своего сына, чтобы защитить себя от упреков: ему, в то время академику, неприлично было заниматься таким «низким» творчеством, как создание сказок в прозе. Другие проводили ту мысль, что Перро явился лишь редактором сказок, написанных его сыном. Однако все предположения об авторстве Дарманкура опровергались целым рядом доводов, позволяющих считать автором сказок именно Перро, а не его сына.

Успех сказок Перро был чрезвычайным: появились повторные издания и переводы на иностранные языки, явились продолжатели и подражатели Перро во французской литературе (да и не только во французской), сказки стали модным чтением и проникли в аристократические салоны.

В чём причины этого успеха? Необходимо учесть, с одной стороны, состояние французской литературы в конце XVII века, с другой – характер самых сказок Перро сравнительно со сказочным материалом, введённым в литературу раньше.

Французская литература того времени переживала период классицизма. Ещё в XVI веке деятели так называемой «Плеяды» боролись за «классическую» поэзию, в XVII же

веке классицизм торжествует свою победу в деятельности Буало, Корнеля, Расина.

В теории и в литературной практике устанавливается господство академизма, господство «древних». Литература приобретает торжественный, напыщенный, придворный характер.

Но, конечно, ни жизнь, ни литература не были совершенно однотонными. Рядом с господствовавшим классом дворянства поднималась уже довольно могущественная буржуазия, собиравшая силы для грядущей революции. Это проявилось и в классической литературе, например, в творчестве Лафонтена и особенно Мольера, у которых сквозь условные классические формы пробиваются ростки реалистического изображения действительности.

Своеобразным отражением этих тенденций явилась так называемая «борьба (или спор) древних и новых».

Главой партии «новых» в этой борьбе был Перро.

Сущность спора сводилась к вопросу, должна ли новая литература подчиняться авторитету древних и пользоваться материалом античности, или ода может брать материал из других источников. Перро выступает горячим сторонником той мысли, что жизнь идёт вперёд и что вперёд должна идти и литература; он настаивает на существовании прогресса и доказывает преимущества современности над древностью.

Во втором томе своего четырехтомного труда «Параллель

между древними и новыми»¹ Перро заявляет в частности: „Милетские рассказы [сказки] так ребячливы, что слишком много чести противопоставлять их нашим сказкам матушки Гусыни или об Ослиной Коже». Именно в этом плане противопоставления свежего материала старой античности и даются сказки Перро. Перро использует фольклорный – материал, придавая ему значение «нового» и современного сравнительно с античной мифологией. Он берёт сказки, «просто-народные» рассказы, не допуская в «высокую» литературу, и этим «просто-народным» рассказам открывает доступ и в аристократические салоны.

II

Сам по себе сказочный материал не являлся чем-то абсолютно новым ни для европейской литературы вообще, ни, в частности, для литературы французской.

Задолго до Перро средневековая литература, светская и церковная, использовала сказочный (в широком смысле этого слова) материал довольно широко.

Около 1100 года крещёный испанский еврей Петрус Альфонси составил целый сборник «Disciplina clericalis» (Учительная книга клирика), в который вошло 34 рассказа, в том числе ряд «животных сказок» и анекдотов. В XIII веке боль-

¹ «Parallèle des Anciens et des Modernes», 1688–1697 (II том относится к 1691 году).

шой сборник рассказов разнообразного характера: легенды, нравоучительные рассказы, анекдоты и пр. – всего 420 номеров – составил епископ Жак де Витри, предназначавший эти рассказы для использования в церковных проповедях. В подобных сборниках обычно лишь передаётся кратко и схематически основное развитие действия, своего рода сюжетная схема, наполнение и оформление которой предоставляется самому проповеднику.

В других случаях рассказы приводятся полнее и точнее, причём церковники-составители придают этим рассказам моралистическое толкование. Наиболее знаменитым средневековым сборником рассказов являются «Gesta Romanorum» (Римские деяния); сборник этот возник в начале XIV века и впоследствии многократно переписывался, перепечатывался и переводился на разные языки (в том числе есть белорусский перевод XVII века).

Широкой волной сказочно-повествовательный материал влился в область романов, поэм и новелл.

Таковы романы так называемого бретонского цикла (волшебнорыцарского характера), некоторые из эпических поэм (*chansons de geste*), в особенности же так называемые «Lais» (небольшие стихотворные новеллы) Марии Французской², а также фábльо (*лат.* басня) и «Роман о Лисе» во

² Мария Французская (1145–1198) – французская принцесса, графиня Шампани. Старшая дочь короля Франции Людовика VII, единокровная сестра Филиппа Августа и единоутробная – Ричарда Львиное Сердце. Была знаменита как ценительница поэзии и меценатка.

французской литературе, «Cento novelle antiche» (Сто старинных новелл), «Декамерон» Боккаччо³, новеллы Франко Саккетти⁴ (1400), «Pecorone» Сер-Джованни⁵ (XIV век), новеллы Серкамби⁶ (1347–1424) – в итальянской, «El conde Lucanor» Хуана Мануэля⁷, «Libro de los exemplos» и „Libro de los gatos» (Коты) – в испанской, «Кентерберийские рассказы» Чосера⁸ и многие рыцарские романы – в английской,

³ Боккаччо Джованни (1313–1375) – итальянский писатель и поэт, представитель литературы эпохи раннего Возрождения, который наряду со своими кумирами – Данте и Петраркой – оказал существенное влияние на развитие всей европейской культуры.

⁴ Саккетти, Франко (1332–1400) – итальянский поэт и писатель.

⁵ «Пекороне» написан в 1378 году и впервые напечатан в Милане в 1558 году. Книга была озаглавлена: «Пекороне сера Джованни Флорентийца, в коем содержится пятьдесят старинных новелл, искусно выдуманых и написанных хорошим стилем». Но что такое «Пекороне» – неясно. Большинство современных ученых склонны отождествлять сера Джованни с второстепенным поэтом XIV века сером Джованни дель Пекороне, приятелем Франко Саккетти. В те времена книги нередко озаглавливались именем их автора. Сер (сокращенное от мессер) – обычный титул нотариуса.

⁶ Серкамби, Джованни (1347–1424) – итальянский писатель и политический деятель. Автор сборника в жанре обрамленной повести «Новеллы» («Novelliere»), насчитывающего 155 рассказов. Заимствовал фабулы из «Декамерона», а также из фольклора, в частности сказочного.

⁷ Дон Хуан Мануэль (1282–1349) – один из крупнейших писателей средневековой Испании и знатнейших сеньоров Кастилии, внук короля Фердинанда III, племянник Альфонсо X Мудрого. Вельможа, политик и воин. Его книга «Граф Луканор» (1335) – сборник гуманистических новелл-притч, афоризмов и небольшого теологического трактата. Она состоит из 52 новелл, сюжеты некоторых из них позаимствованы из арабских источников.

⁸ Чосер Джеффри (1340–1400) – английский поэт, писатель и государственный

рыцарские романы и «Roman van der Vos Reinaerde» (Рейнеке-Лис, около 1250 г.) – в нидерландской, поэмы «König Rother» (Король Ротер), «St. Oswald» (Святой Освальд), «Orendel» (Орандель), далее – «Нибелунги» и «Гудрун», анекдотическая поэма Стрикера⁹ «Der Pfaffe Amis» (Поп Амис), отдельные произведения мейстерзингеров и прозаические романы – в немецкой.

III

Однако во всех указанных случаях, – а число их можно легко увеличить, – сказочный материал отнюдь не берётся в своём непосредственном или хотя бы близком к нему виде; это именно материал, обращение с которым у авторов весьма свободное: им важна по большей части лишь сюжетная схема, да и с ней далеко не всегда церемонятся.

Нередко используются лишь отдельные эпизоды, мотивы и детали, вступающие в совершенно новые комбинации. Сказки, как таковой, мы здесь ещё не имеем.

Только с середины XVI века, в особенности же со второй трети XVII, в Италии мы можем говорить о введении в

служащий.

⁹ Der Stricker – псевдоним среднегерманского поэта-путешественника XIII в., настоящее имя которого было утеряно в истории. Это слово, которое означает «Вязальщик», может указывать на то, что он был простолюдином. Его работы демонстрируют знание немецкой литературы и практической теологии и включают как адаптации, так и работы, не имеющие известных источников.

литературу собственно сказок. Мы имеем при этом в виду сборники Страпаролы¹⁰ «Le piacevoli notti» (Приятные ночи), 1550–1553 гг., и в особенности Базиле¹¹ «Lo cunto de li cunti» (Сказка всех сказок) или «Pentamerone» (Пентамерон) – так обычно называют этот сборник.

В сборнике Страпаролы 74 рассказа. В построении своего сборника Страпарола явно подражает Боккаччо; в своих рассказах Страпарола отчасти использует материал Боккаччо, Морлини и других итальянских новеллистов, отчасти опирается на устную традицию.

В числе рассказов есть ряд неприличных, причём героями их, как и вообще часто в итальянской новеллистике, выступают представители духовенства, вследствие чего сборник Страпаролы в 1580 и 1590 годах включался в список запрещённых книг, а в позднейших изданиях часть таких антиклерикальных рассказов исключалась. Сборник получил достаточно широкое распространение, и многие позднейшие итальянские новеллисты заимствовали из него свой материал. В 1560 году первая часть сборника Страпаролы была пе-

¹⁰ Страпарола, Джованни Франческо (1480–1557) – итальянский поэт и писатель. Многочисленные стихотворные сочинения (сонеты, канцоты и др.) не снизили ему особой славы. В литературе он остался благодаря сборнику своих новелл «Приятные ночи» 1550–1553).

¹¹ Базиле, Джамбаттиста (1566–1632) – неаполитанский поэт и писатель-сказочник. Его написанная в стиле барокко «Сказка сказок» является первым в истории европейской литературы сборником сказочного фольклора. Некоторые из этих сказок позже стали хрестоматийными в обработках Шарля Перро и братьев Grimm (например, «Спящая красавица», «Золушка», «Кот в сапогах»).

реведена на французский язык, в 1572 году появился перевод второй части. Сборник Страпаролы использован рядом французских авторов. В числе рассказов Страпаролы есть, между прочим, «Кот в сапогах» (ночь XI, рассказ 1-й), «Девушка в ларце» (I, 4) и «Король-свинья» (II, 1), с сюжетами, близкими к сказкам Перро или напоминающими их («Кот в сапогах», «Ослиная Кожа», «Рике-с-хохолком»).

В истории сказки особенное значение имеет сборник Базиле (1575–1632), первый настоящий сборник сказок в Европе, как характеризует его Больте-Поливка¹². Сборник этот появился в качестве посмертного издания в Неаполе в 1634–1636 гг. написан он на неаполитанском диалекте. С 1674 года сборник стал обычно называться «Пентамерон (в параллель с «Декамероном» Боккаччо), так как он разделен на пять частей – «дней». Впрочем, название «Pentamerone» имеет уже в предисловии к первому выпуску 1634 года и в посвящении издания 1637 года.

Хотя Базиле называет свой сборник «детским развлечением», на деле этот сборник предназначен для взрослых читателей. Сборника Страпаролы Базиле, может быть, совершенно не знал и во всяком случае не воспользовался им: сходные сюжеты (их всего четыре) разработаны в обоих сборниках различно.

¹² Больте-Поливка, Иржи (1858–1933) – чешский фольклорист, лингвист, историк литературы. Профессор Карлова университета в Праге. Член чешской АН, чл. – корр. АН СССР. Принадлежал к школе сравнительно-исторического изучения фольклора.

Базиле пользовался живой устной традицией и в общем в своих 50 сказках верно передал итальянские версии; основное содержание и характер изложения соответствуют у него подлинному фольклорному материалу. Но вместе с тем необходимо отметить, что и Базиле не сохраняет всех особенностей фольклорного изложения и вносит в своё изложение черты, чуждые фольклору. Сборнику придан у него рамочный характер – наподобие «1001 ночи» и сборников типа «Декамерона». Сказки предваряются моралистическими вводными замечаниями и заключаются пословицами.

Сам стиль отличается пестротой, изложение чрезвычайно капризно и прихотливо: то очень простое и приносившее для детей, то весьма напыщенное и украшенное метафорами, аллегориями, игрой слов, пышными образами и картинками; в частности, в речах действующих лиц проявляется по временам так называемый «маринизм» (условный напыщенный язык, введённый Марино).

Сборник Базиле несколько раз переиздавался, а также переводился на литературный итальянский язык. Ранние переводы на другие языки неизвестны; во французском переводе, например, появились лишь 4 сказки, и то только в 1777 году. Из числа сказок, вошедших в сборник, сказки «Золушка» (день I, рассказ 6-й), «Гальюззо» (II, 4), «Медведица» (II, 6), «Три феи» (III, 10), «Два пирожка» (IV, 7) и «Солнце, Луна и Талия» (V, 5) сходны по сюжетам со сказками Перро «Золушка», «Кот в сапогах», «Ослиная Кожа», «Феи» и

IV

Во французской литературе XVI–XVII вв. особенно охотно использовались рассказы и сказки новеллистического и анекдотического характера. Рабле использует анекдотический материал и в плане своеобразной пародии на сказку о силаче-герое изображает своего Гаргантюа (1532). Никола де Труа¹³ в сборнике «Parangon des nouvelles nouvelles» (Образец для подражания) (1536) рассказывает, между прочим, о странных желаниях (№ 53; сходный сюжет мы видим и у Перро), о лжеце (№ 14), о дворянине и аббате.

Де-Перье¹⁴ в сборнике «Nouvelles récréations et joyeux devis» (Новые развлечения и счастливые оценки), 1570 г., рассказывает сказку об Ослиной Коже (№ 129). Сказочный и анекдотический материал используют также ряд писателей, например, дю Файль¹⁵ (XVI век), Табуро (XVI век), д'Увилль (XVII век) и др.

Кроме текстов, в ряде случаев мы находим упоминания

¹³ Никола де Труа (годы рожд. и смерти неизв.) – французский писатель 1-й половины XVI в.

¹⁴ Деперье (де Перье), Бонавентюр (1501–1544) – французский писатель, одна из самых загадочных личностей своего времени.

¹⁵ Дю Файль, Ноэль (1520–1591 гг.) – французский писатель, автор нескольких сборников новелл. Его коллекции сказок являются важным свидетельством сельской жизни в шестнадцатом веке в Бретани.

о сказках и указания на их популярность; особенно много упоминаний о сказках «Ослиная Кожа» и «Мальчик-с-пальчик». Очень любопытное перечисление целого ряда сказок дает Ноэль дю Файль в книге «Propos rustiques et facétieux» (Шутливые деревенские рассказы) (1547), гл. 6. Он изображает крестьянина Робена, рассказывающего по вечерам у очага сказки жене и работникам, занятым различными работами: «И когда, таким образом, они были заняты различными делами, добряк Робен, установив молчание, начал сказку об аисте, о тем временах, когда животные разговаривали, или о том, как лиса крала рыбу у рыбаков, как она подвела волка под побои прачек, когда учила его ловить рыбу; как собака и кошка отправились в дальнее путешествие; о льве, царе зверей, который сделал осла своим наместником и хотел быть царем всего; о вороне, которая запела и потеряла свой сыр; о Мелюзине¹⁶; об оборотне, об Ослиной Коже, о побитом монахе; о феях и о том, как он часто запросто разговаривал с ними, и ещё о том, как вечером, проходя по узкой дороге, он видел, что они водят хороводы близ источника у рябины».

В этом сообщении любопытно и перечисление целого ряда сказок, разнообразных по характеру, и указание на то, что рассказывание сказок являлось крестьянским занятием. Для господствующих классов сказка не была уже живым явлени-

¹⁶ Мелюзина – фея из кельтских и средневековых легенд, дух свежей воды в святых источниках и реках.

ем, не входила в обиход их жизни. Однако во второй половине XVII века картина меняется, – сказки входят в моду и рассказываются в целом ряде салонов. Например, мадам де Севинье пишет:

«Госпожа де Куланж очень хотела познакомить нас со сказками, которыми развлекают версальских дам: это называется занимать их.

Итак, она занимала нас и рассказывала нам о зелёном острове, где воспитывали принцессу, которая была прекраснее, чем день; всё время над нею веяли феи. Прелестный принц был её возлюбленным; оба они прибыли в хрустальный шар, когда этого меньше всего ожидали; это было удивительное зрелище: каждый смотрел на небо и пел, без сомнения: “Идите, идите, сбежимся все, / Кибела спускается [с небес]”.

Сказка длится добрый час; от многого я избавлю вас».

В отличие от сообщения дю Файля, где речь идёт о крестьянах, здесь прекрасно схвачен характер аристократических сказок с их подчёркнутым стремлением к изяществу и к изображению нежных чувств. Конечно, сказки являлись здесь только своеобразным средством развлечения, и им стремились придавать характер, подходящий для «благородного» общества.

Мода на сказку как на салонный устный жанр приходит во Францию в годы расцвета царствования Людовика XIV. Сказки рассказывали в салоне «Mademoiselle», то есть. Ели-

заветы-Шарлотты Орлеанской, сестры Филиппа Орлеанского, регента королевства; в салоне маркизы де-Ламбер¹⁷, где собиралось изысканное общество и где наиболее видную роль играл Фонтенель¹⁸; в салоне графини де Мюра¹⁹, написавшей позднее ряд сказок; в салоне госпожи д'Онуа²⁰, также прославившейся сказками; в салоне госпожи де Камюс, сестры кардинала, герцогини д'Эпернон, графини Граммон, мадемуазель Леритье де Виллодон²¹.

Таким образом, почва для появления сказок Перро была подготовлена.

¹⁷ Анна-Тереза де Маргена де Курсель (1647–1733) – после своего замужества ставшая мадам де Ламбер, маркизой де Сен-Бри, известная в обществе как Маркиза де Ламбер – французская писательница и хозяйка парижского литературного салона.

¹⁸ Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) – французский писатель и учёный, племянник Пьера Корнеля.

¹⁹ Анриетта Жюли де Кастельно, графиня де Мюра (1668–1716) – французская аристократическая писательница конца XVII века, автор книг «Волшебные сказки» и «Новые волшебные сказки».

²⁰ Мари-Катрин д'Онуа, баронесса (1651–1705), урождённая Мари-Катрин Ле Жюмель де Барневиль, – французская писательница, одна из авторов классической французской сказки.

²¹ Леритье де Виллодон, Мари-Жанна (1664–1734) – французская писательница и поэтесса. Одна из зачинателей моды на сказки во французской и мировой литературе.

V

Сборник сказок в прозе Перро, несомненно, представлял собою новое и значительное явление: у него мы находим собственно сказки, и притом сказки, нередко переданные довольно точно и полно.

Ещё до издания своих прозаических сказок (1697 г.) Перро напечатал три рассказа (contes) в стихах: стихотворную обработку 10-й новеллы X дня из «Декамерона» Боккаччо – «Гризельда»; анекдотический рассказ в стихах типа фавль – «Потешные желания», и настоящую сказку – «Ослиная Кожа» (две последних сказки появились в печати впервые в 1694 году). Из этих трёх произведений «Гризельда» примыкала к готовой литературной традиции; «Потешные желания» в известной мере нарушали установившуюся торжественность стиля, но это произведение всё же имело аналогии и в средневековых фавль и в «Contes» такого признанного и крупного мастера, как Лафонтен²², и, таким образом, не являлось полной новинкой. Только введением собственно сказочного материала в «Ослиной Коже» Перро определённо проводил грань между своим творчеством и обычным творчеством защитников «древних»; только здесь он давал нечто новое сравнительно с прежними стихотворными про-

²² Де Лафонтен, Жан (1621–1695) – знаменитый французский баснописец.

изведениями.

Ещё несравненно большее значение в этом отношении имели сказки в прозе.

В состав первого сборника «Истории, или сказки былых времён» вошло восемь сказок; таким образом, мы имеем у Перро всего одиннадцать сказок (включая и стихотворные). Как в сюжетном отношении, так и по оформлению сказки Перро представляют довольно разнообразную картину.

Сказки Перро обычно называли «волшебными».

Однако это определение подходит не ко всем сказкам в равной мере. «Гризельда» является сказкой чисто новеллистического характера, без всяких элементов чудесности; почти лишена чудесного элемента также сказка «Ослиная Кожа», где только факт появления фей нарушает чисто новеллистический характер повествования; «Потешные желания» – рассказ, в сущности, анекдотического типа, но с включением в него легендарно-чудесных мотивов. Из числа сказок в прозе почти отсутствует волшебный элемент в сказке «Синяя. Борода», где только несмыслимое кровавое пятно напоминает о чудесном; ослаблен и даже почти снят реалистическим толкованием «чудесный» характер в сказке «Рике с хохолком»; в сказке «Красная Шапочка» волшебный элемент проявляется только в разговорах Шапочки с волком. Таким образом, только сказки «Феи», «Спящая красавица», «Золушка», «Мальчик-с-пальчик», «Кот в сапогах» относятся к волшебным сказкам.

Как уже указывалось, Перро заимствовал свой материал по большей части из устной традиции.

Довольно точно передавая свои оригиналы в смысле сюжетном, Перро, однако, отнюдь не стремился к точности изложения. Сказки его – не записи фольклорных текстов, а своеобразные литературные произведения, в одних случаях ближе стоящие к фольклору, в других – отходящие от него дальше. Они неоднородны по сложности композиции и по изложению. Наиболее просты по композиции сказки «Феи», «Красная Шапочка» и «Потешные желания», по последняя по изложению отличается от первых более «литературным» характером. Довольно просты также сказки «Синяя Борода» и «Кот в сапогах», значительно сложнее «Золушка», «Спящая красавица» и «Мальчик-с-пальчик»; наиболее литературным изложением характеризуется «Рике с хохолком», а также «Гризельда» и «Ослиная Кожа».

Перро придает сказкам морализующий характер.

Об этом он сам прямо заявляет в предисловии к собранию своих стихотворных сказок (1695). Противопоставляя современные ему сказки античным, Перро говорит: «Я утверждаю даже, что мои рассказы больше заслуживают рассказы-вания, чем большая часть античных сказок, в особенности такие, как «Матрона эфесская» и «Психея», если рассматривать их в отношении морали, что во всех видах рассказов важнее всего и ради чего они и должны бы создаваться».

Отмечая антиморальный или аморальный характер ан-

тичных сказок, Перро замечает: «Не таковы сказки, сочинённые нашими предками для своих детей, – они рассказывали их не с таким изяществом и украшениями, какими греки и римляне украсили свои мифы; они всегда весьма заботились о том, чтобы сказки их заключали в себе похвальную и поучительную мораль. Везде в них добродетель вознаграждена и порок наказан. Все они стремятся показать, как выгодно быть честным, терпеливым, рассудительным, трудолюбивым, послушным и какое зло постигает тех, кто не таковы».

Эта характеристика сказок чрезвычайно интересна.

Перро утверждает, что самое важное в сказках – мораль; отсюда его собственные нравоучения, прибавляемые к каждой сказке и иногда, в сущности, притягиваемые за волосы. Особенно выдвигает он нравоучительное значение сказок для детей; и этим сказкам он придаёт местами специфически «детский», т. е. приспособленный для детей, характер. Но как раз «нравоучения» у Перро обычно не подходят для детского возраста, да и в целом он всё же обращался со своими сказками не к детской аудитории.

Перро отмечает также большее изящество, большую отделанность античных мифов сравнительно с позднейшими сказками; естественно, что, вводя сказки в «общество», он стремился придать им более изящный характер.

Деятельность Перро имела, в сущности, двойное значение. Для литературы введение сказок означало некоторый отход от «высокой» античной традиции, некоторое «опро-

щение» искусства, своего рода «снижение стиля», демократизацию. Для фольклора же такое введение сказок в аристократическую среду означало значительную деформацию. «Низкий», «простонародный» материал поднимался в аристократические салоны и становился средством развлечения; это было своего рода расширение материала, которым пользовалась дворянская литература. Естественно, при этом сам материал деформировался и приобретал новые качества, а не усваивался механически. Сложное происхождение вело к сложной стилистической системе.

VI

В сказках Перро мы находим в различных сочетаниях три основных элемента: собственно, фольклорную основу – в сюжетах и иногда в словесно-стилистическом оформлении, своеобразную буржуазную окраску – нередко в нравоведениях и во многих деталях бытового характера, и, наконец, аристократическую «прециозность», стремление к изяществу – в трактовке многих сцен и мотивов и в особенности в характере изложения.

Наиболее проста по своему характеру сказка о Красной Шапочке. Элементарность изложения доведена здесь до предела: почти отсутствует описательный элемент, совершенно нет психологических мотивировок и психологических сцен, до минимума сведено и изображение действия. Изложение

весьма простое, сообщающее лишь об основных фактах и оживленное диалогами; собственно говоря, диалоги здесь – основная часть рассказа, причём в них характерны повторения и параллелизмы, типичные для фольклорного повествования (особенно показателен разговор мнимой бабушки с Красной Шапочкой).

Сказке явно придан сугубо «детский» характер: очень характерно в этом отношении усиленное употребление уменьшительных и ласкательных форм. В изложение внесено и нравоучительное замечание: «Бедная девочка не знала, что это очень опасно – останавливаться в лесу и слушать, что говорит волк». Это замечание служит как бы переходным мостиком к заключительному нравоучению, но само нравоучение обращено скорее к взрослым девицам, чем к детям, и, конечно, придумано самим Перро, так как фольклорные сказки о нравоучениях не заботятся. В отличие от версии Перро, которая является древнейшим известным нам текстом этой сказки, в фольклорных записях окончание довольно часто благополучное (как, например, в тексте братьев Grimm): Красную Шапочку и её бабушку достают живыми из убитого волка. Возможно, что Перро сознательно не дал такого окончания, так как оно мешало бы его нравоучению.

Сказка «Подарок Феи» также сравнительно очень проста и также довольно явно приспособлена к детскому обиходу; нравоучение её естественно и непосредственно примыкает к содержанию.

Сказка «Кот в сапогах» также довольно проста по изложению, но это в своём роде плутовской роман: вся сказка стремится показать ловкость кота, рисует его мошеннические проделки, – целью которых является благополучие героя, – отнюдь не осуждая эти проделки.

И чрезвычайно характерно для такого ревнителя морали, как Перро, что он также не замечает именно мошеннического характера проделок кота и присоединяется к типично буржуазному выводу, вытекающему из содержания сказки: «Плутуй, но плутуй удачно!». И то нравоучение, которое Перро присоединяет к сказке, также является типично буржуазным: «Как ни велико преимущество пользоваться богатым наследством, переходящим у нас от отца к сыну, для молодых людей искусство и ловкость обыкновенно значат больше, чем нажитые богатства».

Сказке о Синей Бороде Перро придает ясно выраженный бытовой характер. Герой её – богатый дворянин, богатство которого изображается довольно живыми реалистическими чертами. Изображается поездка гостей в загородный замок Синей Бороды и пребывание там; даётся детальное описание пребывания соседок и подруг у молодой жены Синей Бороды.

Когда жена нарушает запрет мужа, Перро показывает её душевные колебания, – такой психологизм совершенно не свойствен фольклору. С психологической тонкостью изображается также встреча жены с неожиданно приехавшим му-

жем; объяснение их значительно приукрашено сравнительно с обычным фольклорным материалом. Зато сюжетная ткань сказки, в сущности, упрощена: в фольклорных записях обычно речь идет о трёх сестрах, две из которых погибают вследствие нарушения запрета, а третья благодаря своей осторожности спасается, оживляя своих сестер и заставляя мужа отнести их, а затем и её к родителям. Героем сказки в фольклорных текстах является колдун или даже сам дьявол, иногда разбойник; в скандинавских и русских вариантах – волк или медведь. Перро превращает, таким образом, волшебную сказку в коротенькую повесть или новеллу, сохраняя лишь слабые следы «чудесности».

Любопытны здесь нравоучения. Первое довольно естественно примыкает к содержанию сказки, как она изложена у Перро, и говорит о губительности любопытства. Второе же нравоучение – шуточного характера и представляет собой лёгкую насмешку над современными Перро семейными правами.

Значительно сложнее и фантастичнее – в изложении Перро – сюжет сказки о Мальчике-с-пальчик.

Изложение здесь дальше отступает от фольклорного, начиная уже с шутки о многочисленных детях дровосека: «Можно удивляться, как это у дровосека за такое короткое время было столько детей, но его жена была проворна, и меньше двух зараз у неё не бывало».

Беседа родителей перед уходом детей в лес передана до-

вольно подробно и с психологическими тонкостями, точно так же, как и настроение их после того, как они получили долг от своего сеньора и хорошо поужинали. Совершенно невозможно в фольклорном тексте такое, например, замечание о дровосеке: «Как и многие другие, он очень любил женщин, которые дело говорят, но думал, что уж очень докучливы те, которые всегда дело говорят».

Не свойственны фольклору и такие описания, как довольно подробное и картинное описание ночи в лесу или описание наружности дочерей людоеда, а также замечания о жене людоеда: «Она упала в обморок (так как это первое средство, к которому прибегают почти все женщины в таких случаях)», или: «Добрая женщина ужасно перепугалась и отдала ему всё, что у неё было, потому что этот людоед, хоть он и ел маленьких детей, но был ей очень хорошим мужем»; эти замечания придают изложению бытовой, несколько юмористический характер, и уже явно в юмористическом плане дается вариант развязки, повествующий о том, как Мальчик-с-пальчик со своими семимильными сапогами служит при дворе.

В шутовском тоне даётся и нравоучение в этой сказке. Так Перро превращает порой волшебную сказку в новеллистическое повествование юмористического оттенка.

VII

«Золушка» отличается более ярко выраженным светским характером. Рассказ значительно «причёсан», изящество изложения подчёркнуто довольно определённо. Отец Золушки – «благородный человек», дочери её мачехи – «барышни», в комнатах у них паркетные полы, самые модные кровати и зеркала, они занимаются выбором нарядов и причёсок.

Описание того, как крёстная наряжает золушку и даёт ей карету и слуг, опирается на фольклорный материал, но дано у Перро значительно подробнее и литературно утончённое. То же следует сказать и о появлении Золушки на балу.

Ещё сильнее светский характер выражен в сказке «Спящая красавица». Здесь встречаем и такие бытовые детали, как поездки на воды, описание столовых приборов для фей, собачка принцессы Пуфочка и проч. Здесь же встречаются психологические характеристики, например: принцесса «была очень живая и немного легкомысленная»; «молодой и влюблённый принц всегда держится молодцом». Некоторые детали бытового характера изображаются юмористически, например: «прыщеватые носы и красные рожи привратников», аппетит проснувшихся придворных. Зато любовные сцены изображаются весьма галантно. Любопытно, что эта галантность была значительно сильнее выражена в первоначальном тексте сказки, опубликованном в 1696 году. В позд-

нейшем издании Перро выпустил, например, разговор принца с принцессой после пробуждения последней. В журнальном тексте этот разговор передаётся так:

«Как, прекрасная принцесса! – говорил ей принц, смотря на неё глазами, которые говорили в тысячу раз больше. – Как! Благосклонная судьба создала меня, чтобы служить вам! Неужели эти прекрасные очи открылись только ради меня, и все цари земные со всем своим могуществом не смогли бы совершить то, чего я достиг своей любовью?» —

«Да, дорогой мой принц, – отвечала ему принцесса – Сам вид ваш говорит мне, что мы созданы друг для друга. Вас я видела, с вами я беседовала, вас любила во время сна. Фея упоила моё воображение видом вашего лица. Я была уверена, что тот, кто должен был снять с меня чары, будет прекраснее, чем сама любовь, и что он будет любить меня сильнее, чем самого себя. Как только вы появились, я без труда вас узнала...»

О любви принца к принцессе говорится в первоначальном тексте так:

«В течение двух лет он продолжал тайно видеть свою дорогую принцессу и любил её всё больше и больше. Воздух тайны поддерживал в нём ощущение первой страсти, и все прелести брака нисколько не уменьшили живости любви...»

Есть и ряд других сокращения, которые показывают, что Перро шёл по пути некоторого ослабления придворно-галантного характера своих сказок; но всё же такие сказки,

как «Спящая красавица», сохранили свой аристократический характер.

Наконец, сказке «Рике с хохолком» придан чисто литературный характер. В фольклоре известны многочисленные рассказы о женихе, имеющем образ животного («Царевич-волк», «Царевич-рак», «Царевич-лягушка», «Царевич-козёл» и проч.), и любовь девушки возвращает обычно такому заколдованному герою его человеческий облик. Но Перро дает более сложную, а с другой стороны, менее волшебную картину: Рике не превращён в животное, а только очень некрасив; и вместе с тем красавица-невеста его отличается отсутствием ума, причём он имеет возможность сделать её умной, а она – сделать его красивым. Последнее превращение Перро, однако, сводит на нет рационалистическим толкованием: «Кое-кто говорит, что это вовсе не чары фей так его переделали, но что одна любовь виновата в этом превращении. Говорят, что когда принцесса хорошенько подумала о постоянстве своего возлюбленного, о его скромности и о всех добрых сторонах его души и его ума, она после этого больше уж не видела кривого его тела и безобразного его лица» и т. д.

Частью эти замечания имеют юмористический характер, например: «его громадный красный нос показался ей чем-то воинственным и героическим».

Само изложение здесь чрезвычайно пространно; особенно подробно изложены разговоры Рике с принцессой, и из-

ложены совершенно не так, как в фольклоре: это – искусные и остроумные разговоры светских людей.

В стихотворных сказках, естественно, отступления от фольклорного изложения особенно значительны, тем более, что и написаны эти сказки раньше, а Перро, как показывает история текста «Спящей красавицы», ещё в 1696 году находился под более сильным влиянием прециозного стиля, чем в 1697 и позднее. «Гризельда» является типичной литературной повестью в стихах, с обширными описаниями и характеристиками, с тонкими и сложными переживаниями героев; сам язык здесь несравненно более торжественный и украшенный, чем в прозаических сказках; эта ориентация на украшенность изложения привела к тому, что «Гризельда» по своему объёму далеко превышает соответствующую новеллу Боккаччо.

Недаром в своём послесловии Перро приводит замечание якобы одного из слушателей о том, что «Гризельда» – настоящая поэма, хотя и названа автором новеллой.

Приблизительно такой же характер имеет и «Ослиная Кожа», где только основной сюжет – типично сказочный. В предпосланных изложению сказки стихах («*A madame la marquise de L...*») Перро ясно говорит о развлекательной роли сказки: «Есть люди, важничающий ум которых, под всегда наморщенным лбом, не терпит, не одобряет и не ценит ничего, кроме пышного и высокого; я же осмеливаюсь утверждать, что иногда самый совершенный ум может не крас-

нея любить даже марионеток, и что бывают такие времена и обстоятельства, когда важное и серьёзное не сравниваются с приятными пустяками. Зачем же удивляться тому, что самый рассудительный ум перестаёт частенько бодрствовать и с удовольствием дремлет, искусно убаюкиваемый сказками о людоедах и о феях?» Эту развлекательную роль Перро и осуществляет посредством украшенного изложения, с многочисленными описаниями в духе салонной поэзии того времени и с вставленными там и сям юмористическими деталями и замечаниями.

Эти юмористические ноты в полной мере господствуют в третьей стихотворной сказке Перро – «Потешные желания». В посвящении „*A mademoiselle de la C...*“ Перро сам отчётливо противопоставляет сюжет этой сказки требованиям прециозности, но замечает вместе с тем, что прелесть рассказа заключается не в сюжете, а в манере его изложения. Однако и манера изложения в этой сказке не прециозная, а скорее бурлескная: вводятся грубоватые выражения и детали, причём эти грубоватые детали намеренно сталкиваются с элементами «высокой» поэзии. Так, простой дровосек мечтает о берегах Ахерона и беседует с самим Юпитером. Текст сравнительно краток и по изложению напоминает средневековые фавль, а также басни Лафонтена. Как и другие сказки, Перро заключает эту шутивную сказку нравоучительным выводом.

VIII

Таков пёстрый характер сказок Перро. Фольклорные сюжеты – и литературное оформление их; установка на развлекательность – и моралистические выводы; юмористическое, иногда грубоватое изложение – и галантная салонная поэзия.

Рядом с Перро, отчасти независимо от него, отчасти под непосредственным его влиянием, выступает целый ряд других авторов сказок. У них, однако, мы обычно уже не видим такой сложной картины и такой живости изложения. Обычно собственная фольклорная основа сказок оказывается, сравнительно с Перро, ослабленной, литературность же изложения выступает на первый план, причём литературность эта связана именно с дворянской линией. «Сказки» превращаются нередко в настоящие повести; с течением времени усиливается тенденция к превращению их в материал специально для детского чтения.

Ещё в 1696 году Леритье де Виллодон выступила со своими сказками, из числа которых одна «Aventures de Finette, l'adroite princesse» (Ловкая принцесса, или Приключения Вострушки) с 1742 года включалась в состав сказок Перро. В посвящении графине де Мюра Леритье говорит: «У меня сегодня настроение буржуа во дворянстве, мне не хочется писать ни прозой, ни стихами, не хочется мне ни высоких слов, ни блеска, ни рифм, – мне хочется говорить наивным

языком. Одним словом, меня привлекает простой рассказ, обычная речь, – мне хочется только вывести маленькую мораль. Таким образом, здесь видим и установку на простоту и стремление к нравоучительности. Однако изложение далеко не может считаться «простым» и «наивным», и хотя сказка заключает в себе моральные сентенции, но сам текст её – довольно легкомысленный. И сама Леритье замечает в конце: «Смею вас заверить, что я её прикрасила и рассказала вам немножко длинновато. Но ведь когда рассказывают сказки, это значит, что нам нечего делать и мы хотим поразвлечься, и мне кажется, что в таком случае надо рассказывать подлиннее, чтобы подольше поговорить. А кроме того, я думаю, что различные подробности в наших чудных сказках и есть самое в них приятное. Вы можете поверить мне, дорогая графиня, что очень легко сократить мою сказку. Уверяю вас, что в следующий раз, когда вы захотите, я вам расскажу приключения Вострушки в очень немногих словах. Однако мне её не так рассказывали, когда я была ребенком, и рассказ длился, по меньшей мере, целый час».

Здесь видим, таким образом, установку на развлекательный характер сказки, и действительно, сказка Леритье является, сравнительно со сказками Перро, настоящей обширной новеллой, изложенной в духе лёгкой светской болтовни, с лирическими отступлениями и авторскими ремарками, с обширными описаниями и диалогами. Такой же характер имели и другие новеллы Леритье, часто к тому же не связан-

ные с подлинной сказочной традицией.

В 1698 году выходят сразу несколько сборников:

«Contes nouveaux, ou Les fées à la mode» и «Contes des fées» баронессы д'Онуа, «Nouveaux contes des fées» графини Мюра, «La tyrannie des fées détruite» графини д'Оней²³, «Les fées, contes des contes» мадемуазель де Ла Форс²⁴, «Contes moins contes que les autres» аббата де Прешак²⁵. Таким образом, сборник Перро послужил как бы сигналом к выступлению целой группы «сказочников». Но у всех этих «сказочников» линия несколько иная, чем у Перро.

У баронессы д'Онуа сказки которой приобрели особенную популярность (в частности, такие, как «Красавица Золотые Кудри», «Лесная лань», «Голубая Птица»), особенно чётко проявляется тяготение к салонному стилю и к превращению довольно примитивных в основе своей сказок в сложные литературные повести; таков же характер рассказов графини Мюра и мадемуазель де Ла Форс. От подлинных сказок у двух последних авторов нередко остаются лишь отдель-

²³ Луиза де Босиньи, графиня д'Оней (? – 1700) – французская салоньерка и автор сказок. Она вышла замуж за графа д'Онея и упрочила своё положение в Париже и при дворе благодаря салону, который был «открыт для всех изящных особ и писательниц». Её сборник сказок «La Tiranie des fées détruite» (Тирания уничтоженных фей) иронично намекает на ранее существовавший жанр сказок, популярный в её время.

²⁴ Шарлотта-Роза де Комон де Ла Форс или Мадемуазель де Ла Форс (1654–1724) – французская писательница и поэтесса. Её самым известным произведением была сказка 1698 года «Персинетта».

²⁵ Жан де Прешак (1647–1720) – французский писатель.

ные мотивы, своеобразно использованные и переплетенные; в значительной степени они опираются на литературные источники.

Графиня д'Оней, со своей стороны, стремится придать своим сказкам своеобразный педагогический характер: фантастику сказок она истолковывает рационалистически, объясняя все «чудеса» могуществом человеческого разума, проникающего в самые глубокие тайны природы. Наконец, аббат де Прешак вносит в своё изложение некоторые ноты сатиры и скептицизма по отношению к самому сказочному материалу. «Сказочное движение» продолжалось и в XVIII веке, и многочисленные сказки были объединены в многотомном издании «Cabinet des fées» (Сказочный кабинет), вышедшем в 1785–1789 годах в Женеве и в Париже (вышел 41 том; издателем был Жозеф-Шарль Мейер; существовало также амстердамское издание). Однако ни из числа современников Перро, ни из числа позднейших подражателей его (назовем, например, госпожу де Бомон²⁶, выпустившую в Лондоне в 1757 году детскую книжку «Magasin des enfants» (Детский магазин); сюда включена одна из знаменитейших детских сказок – «Красавица и Чудовище»), никто не мог сравниться с Перро. «Перро... ввел в оборот народную сказку, увлек свежестью её содержания, своим наивным, несколько

²⁶ Лепренс де Бомон, Жанна-Мари (урождённая Мари-Барб Лепренс; 1711–1780) – французская писательница и педагог, вероятная прабабушка Проспера Мериме, автор наиболее известного варианта сказки «Красавица и чудовище».

деланным стилем; но его новшество вызвало эфемерный литературный род, быстро источившийся в вычурности, и не принесло обновления: эти сказки отзывались и детской и салоном; к их фантастическим образам привыкли сызмала, а в романе этот элемент иссяк со времени Амадисов²⁷, и благодетельные феи и злые волшебники утратили свой поэтический чекан»²⁸.

Перро принадлежала заслуга новаторства, заслуга введения нового материала в литературу, с подчёркнутым противопоставлением этого нового материала старому; при этом Перро придавал своеобразный характер и самому изложению, сближая фантастическую сказку с реалистической повестью. Последователи его пошли по пути приспособления сказок к требованиям салонного искусства или к требованиям детской педагогики (той, конечно, какая существовала в то время). На первом пути сказки не могли выдержать конкуренции с подлинными литературными произведениями и легко принимали шаблонный, стандартный характер. «Отсюда, в частности, появление сказок пародийного типа, каковы, например, сказки графа Гамильтона²⁹; его «Contes de

²⁷ Имеется в виду «Амадис Гальский» – средневековый рыцарский роман об Амадисе, созданный Гарси Родригесом де Монтальво.

²⁸ А. Н. Веселовский. Сказки Тысячи одной ночи в переводе Галлана, – Тысяча одна ночь. Арабские сказки. Новый полный перевод Ю. В. Доппельмайер, М., 1890, т. II, стр. V.

²⁹ Антуан Гамильтон, граф (правильнее д'Амильтон; *фр.* *Antoine, comte d'Hamilton*, 1646–1720) – англо-французский писатель

féerie» (Сказочные феерии), вышедшие в сборнике «Cabinet des fées» (том 20-й), в сущности являются осмеянием приёмов рассказывания сказок, да осмеянием и самой фантастики (например, герой попадает на «Остров кухонных горшков и вертелов»). Это значит, что как серьёзный литературный жанр сказка не привилась. Второй путь также уводил сказку от «настоящей» литературы и передавал её в детскую аудиторию.

В дальнейшем сказки могли получить новую жизнь либо в непосредственном своём виде, как подлинный фольклорный материал, либо в значительно более свободном использовании на новых литературных основах, как это мы видим у романтиков.

IX

За пределами Франции сказки Перро были известны и получили довольно широкое распространение в качестве детских книг, но особого литературного значения не имели. Итальянская литература имела свои собственные сказочные и литературные традиции, испанская в значительной степени питалась теми же итальянскими источниками, английская развивалась самостоятельно. Несколько сильнее, по-видимому, было воздействие сказок Перро (и его продолжателей) на немецкую литературу XVIII века; в частности, с 1761 года на немецкий язык переводилось собрание «Cabinet des fées». В

1764, 1770, 1780 годах. изданы в немецком переводе сказки Перро. Под влиянием Перро и вообще французской сказочной литературы выпустил свои сказки Музеус³⁰; сказки эти, в сущности, являются обширными новеллами.

В XVIII веке сказки Перро и его современников и продолжателей проникли и в Россию.

В течение XVIII века на русском языке сказки Перро издавались три раза. В 1768 году в Москве в переводе Льва Воинова – без указания имени переводчика, а также и имени автора – вышла книга «Сказки о волшебницах, с нравоучениями». Сказки названы здесь следующим образом: «Сказка о девочке с красненькой шапочкой»; «Сказка о ворожённых девицах», «Сказка о некотором человеке с синей бородой», «Сказка о спящей в лесу красавице», «Сказка о батюшке котике в шпорах и сапогах», „Сказка о Корчаге, в которой золу содержат», «Рикет в косе», «Сказка о мальчике-с-пальчик», «Сказка от искусной принцессы» (!), письмо к графине Мурат»³¹. Второе издание этой книги вышло в 1781 году. В 1795 году вышел другой перевод: «Волшебные повести с нравоучениями для детей; соч. г. Перольта; на русском и французском языках, с карт.». Сказки здесь названы так:

³⁰ Музеус, Иоганн Карл Август (1735–1787) – немецкий писатель, литературный критик, филолог и педагог. Автор сборника литературных сказок «Народные сказки немцев» (1735–1787).

³¹ В. В. Синовский. Из истории русского романа и повести. (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа.) Ч. I, XVIII век, Спб., 1903, стр. 17, № 209.

«Маленькая Красная Шапочка», «Обворожённые девицы», «Синяя Борода», «Красавица, спящая в лесу», «Кот, обутый в сапоги», «Сандрильона», «Рикет-с-хохлом», «Мальчик-с-пальчик», «Разумная принцесса». Как видим, сюда вошла и сказка Леритье «Ловкая принцесса, или Приключения Вострушки». Издание это было повторено в 1805 году³².

Неоднократно издавались сказки Перро и впоследствии. Так, например, в 1825 году появилось следующее издание: «Волшебные сказки, или приятное занятие от нечего делать. Соч. Перольта. Из которых взяты оперы и балеты, представляемые на императорских театрах. Перевёл с французского императорского Московского театра актер Баранов», – Москва, в типографии Августа Семёна, 1825. Сказки в данной книге названы так: «Рауль Синяя Борода, или таинственный кабинет», «Красная Шапочка», «Суженого конем не объедешь, или Обворожённые сёстры», «Спящая красавица, или Очарованный лес», «Кот в сапогах», «Сандрильона, или Замарашка», «Хохлатый принц, или Размен ума и красоты», «Мал золотник, да дорог», «Остроумная принцесса», «Ослиная Кожа». Сказки даны отдельными выпусками, но с общей нумерацией страниц (всего 325 страниц, in 16); к каждой сказке даётся иллюстрация.

Выходили и позднейшие издания сказок Перро; к переводу Щербаня в 1866 году предисловие написал И. С. Тургенев.

³² Там же, стр. 129, № 1666.

Переводились также начиная с XVIII века и некоторые сказки других французских авторов (д'Онуа, де Бомон и др.). И несомненно под влиянием именно французской сказочной литературы появляются довольно многочисленные аналогичные произведения в литературе русской. Таковы, например, „Одушевлённая статуя, или Приключения маркиза Альфонса и Луизы. Соч. П. А.», – М, 1786; «Добрая волшебница, или Образ доброжелательства ближнему. Сказка. Соч. А. Л.», – М., 1788; сборник Евграфа Хомякова «Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и весёлые повести», – М., 1791, и др.

И в этих произведениях, как во французских сказках, мы нередко видим соединение своеобразной галантности, проявляющейся в напыщенном языке, в сентиментальных психологических сценах, с некоторой демократизацией, пробивающейся в реалистических сценах и картинах. Но ни одного крупного имени наша сказочная литература в XVIII веке не выдвинула.

Только в XIX веке Жуковский и Пушкин дают подлинно художественные обработки сказок, причём Жуковский значительно более связан своими иностранными оригиналами. Отметим, в частности, что Жуковскому принадлежит стихотворная обработка «Кота в сапогах» Перро.

Пушкин обращается со сказочным материалом несравненно свободнее, используя и литературный материал и свои собственные записи от Арины Родионовны и создавая, в

сущности, новый жанр – настоящей литературной сказки, опирающейся на фольклорные источники.

Н. Андреев

Биография

Один из величайших французских сказочников всех времён, Шарль Перро, родился в 12 января 1628 года в Париже в многодетной семье судьи Парижского парламента Пьера Перро. Его матерью была богатая дворянка Пакетт Ле Клерк. Перро был младшим из шести детей (вместе с ним родился и брат-близнец Франсуа, умерший через шесть месяцев). Получал образование в университетском колледже Бовэ, который, однако, бросил, не доучившись. Купил лицензию адвоката, но вскоре оставил эту должность и устроился клерком к своему брату Клоду Перро, в будущем известному архитектору, одному из авторов восточного фасада Лувра.

Пользовался доверием Жана Кольбера, который в 1660-х годах во многом определял политику двора Людовика XIV в области искусств. По его протекции Перро в 1663 году был назначен секретарём вновь образованной Академии надписей и изящной словесности, а также получил должность кон-

тролёра сюринтендантства королевских строений. Однако в 1683 году, после смерти своего покровителя, Перро впал в немилость и потерял выплачивавшуюся ему как литератору пенсию, а в 1695 году лишился и места секретаря.

Перро был довольно плодовитым литератором, но его художественные произведения, за исключением сказок, вскоре были забыты. В историю литературы он вошёл как главный идеолог движения «новых» в споре о древних и новых. Основные программные тексты Перро – поэма «Век Людовика Великого» (1687) и диалоги «Параллели между древними и новыми в вопросах искусства и наук», т. 1–4, 1688–1697. Перро считал, что искусство века Людовиков намного превзошло античное и должно развиваться и далее; представлению о неизменном идеале он противопоставил идею поступательного прогресса искусства, идущего рука об руку с прогрессом наук и ремёсел. Он отдавал предпочтение прозе перед поэзией и считал, что преемником античного эпоса является роман.

В 1697 году опубликовал сборник «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями». Эта книга широко прославила Перро за пределами литературного круга. Фактически Перро ввёл народную сказку в систему жанров «высокой» литературы.

Шарль Перро скончался 16 мая 1703 года в возрасте 75 лет в Париже. Похоронен на подземном кладбище «Катакомбы Парижа».

Сказки матушки гусыни

Предисловие автора

Благосклонный приём, оказанный публикой этим сказкам, появлявшимся в отдельности, подает известную надежду на то, что она хорошо примет их и теперь, когда они появляются объединенные в этом сборнике. Правда, некоторые лица, претендующие на серьезность и достаточно проницательные, чтобы увидеть, что эти сказки написаны для развлечения, а содержание их не слишком глубоко, отнеслись к ним с пренебрежением; однако, к нашей радости, люди, обладающие хорошим вкусом, судили иначе.

Они с удовлетворением отметили, что эти безделушки, в сущности, не совсем безделушки; что они заключают в себе полезную мораль и что занимательная фабула, какой они наделены, была избрана лишь с целью довести их до сознания в наиболее приятной форме, одновременно интересной и поучительной. Казалось бы, всего этого достаточно, чтобы не бояться упреков в том, что я забавляюсь пустыми выдумками. Но так как мне придётся иметь дело со множеством людей, которых нельзя убедить разумными доводами и на которых можно воздействовать лишь авторитетами или примерами древних, — я не замедлю удовлетворить их и в этом отношении.

Милетские сказки, столь знаменитые у греков и услаждавшие Афины и Рим, носили такой же характер, как и сказки,

собранные в этом томике. История Матроны Эфесской – того же типа, что и история Гризельды; и та и другая являются новеллами, то есть рассказами о событиях, которые могли бы иметь место в действительности и в которых нет ничего неправдоподобного. Рассказ о Психее, написанный Лукианом и Апулеем, является чистой фантазией, волшебной сказкой вроде «Ослиной Кожи». Недаром Апулей заставляет старуху рассказывать её молодой девушке, похищенной разбойниками, подобно тому, как и в наши дни гувернантки и бабушки постоянно рассказывают детям «Ослиную Кожу». Сказка о земледельце, который получил от Юпитера дар вызывать по своему произволу дождь и хорошую погоду и так плохо им воспользовался, что собрал лишь солому и ни одного зерна, ибо ни разу не попросил ни ветра, ни мороза, ни снега, ни другой непогоды, необходимой для того, чтобы злаки принесли плоды, – эта сказка, говорю я, близка по сюжету к сказке «Потешные желания»; разница лишь в том, что первая носит серьёзную, а вторая комическую окраску; однако обе они хотят сказать, что люди сами не знают, что им нужно, и что, если бы все совершалось по их произволу, они были бы куда несчастнее, чем теперь, когда ими руководит провидение.

Мне кажется, что, имея перед глазами столь прекрасные образцы произведений мудрой и просвещенной античности, никто не вправе делать мне какие-либо упреки. Я утверждаю, что мои сказки даже более достойны того, чтобы их

рассказывали, чем большинство античных, в частности история «Матроны Эфесской» и легенда о Психее, – если взглянуть на них с точки зрения морали, которая является основным моментом во всякого рода сказке и ради которой они и создаются. Вся мораль, которую можно извлечь из «Матроны Эфесской», сводится к тому, что самые недоброжелательные женщины кажутся нам зачастую особенно добродетельными, и что почти нет таких, которые были бы на самом деле безгрешными.

Всякий видит, что такая мораль очень плоха и может лишь испортить женщин дурным примером, внушив им, что, изменяя своему долгу, они лишь идут по проторенной дорожке. Не такова мораль «Гризельды», которая имеет целью побудить женщин терпеливо сносить всякие выходки мужей и показать, что нет такого грубого или сумасбродного мужа, с которым верная жена не смогла бы сладить благодаря своему терпению.

Что касается морали, скрытой в легенде о Психее, которая сама по себе весьма занимательна и увлекательна, – я сравнил бы её с моралью «Ослиной Кожи», если бы она была мне вполне ясна; но до сих пор мне не удалось её разгадать. Я отлично знаю, что Психея символизирует душу, но мне неясно, что следует разуметь под Амуром, влюбленным в Психею, то есть в душу; ещё того непонятнее, когда автор прибавляет, что Психея могла быть счастливой лишь до тех пор, пока не знала того, кем была любима, то есть Амура, и должна была

стать несчастной с того момента, как его узнала. Это является для меня неразрешимой загадкой. Единственно, что можно сказать, – это, что сказание о Психее, как и большинство античных сказаний, было создано лишь для развлечения и не имело целью внушить высокую мораль, о которой отнюдь не заботились.

Не таковы были сказки, которые наши предки сочиняли для своих детей. Правда, они не наделили их таким изяществом и прелестью, какими греки и римляне украшали свои сказания, но они всегда заботились о том, чтобы сказки содержали хорошую мораль и были поучительны. В них постоянно торжествует добродетель и порок наказан. Все они имеют целью показать, каковы преимущества честности, терпения, предусмотрительности, усердия и послушания и какие беды постигают тех, которые уклоняются от этих добродетелей.

То перед нами фея, которая наделяет вежливо ответившую ей девушку свойством при всяком слове ронять из уст брильянт или жемчужину, а другую девушку, ответившую грубо, – свойством при каждом слове изрыгать лягушку или жабу. Или дети, которые, за то, что хорошо исполняли волю отца и матери, становятся знатными сеньорами, в то время как других, порочных и непослушных, постигают ужасные несчастия.

Как бы ни были причудливы и фантастичны различные эпизоды этих сказок, – несомненно, все они возбуждают в

детях желание походить на тех, которые достигают счастья, и вместе с тем боязнь навлечь на себя несчастья, какие постигают злых за их пороки. Разве не похвально поступали отцы и матери, когда они своих детей, ещё неспособных постигать чистые истины, лишённые прикрас, – заставляли полюбить эти истины и, если можно так выразиться, проглотить их, придав им форму занимательных рассказов, рассчитанных на слабости, свойственные их возрасту?

Трудно себе представить, с какой жадностью эти невинные души, ещё не утратившие природной чистоты, воспринимают скрытые в сказках поучения. Они грустны и подавлены, когда герой или героиня сказки – в беде, и вскрикивают от радости, когда приходит к ним счастье; подобным же образом, они скрепя сердце переносят благополучие злого или злой и приходят в восторг, видя, что те наконец получают заслуженную кару. Всё это – семена, которые западают в душу и сперва вызывают в ней лишь радость или печаль, но из которых не замедлят вырасти добрые наклонности.

Я мог бы сделать мои сказки более занимательными, введя в них некоторые вольности, которыми авторы привыкли их оживлять; однако желание нравиться никогда не могло заставить меня нарушить усвоенное мной правило – не писать ничего такого, что могло бы оскорбить стыдливость и нарушить благопристойность. Вот мадригал, сочинённый одной очень умной молодой девушкой и написанный ею на заглавном листке «Ослиной Кожи», которую я ей послал:

Здесь об Ослиной Коже дан рассказ простой
С такой наивной чистотой,
Что он во мне восторг невинный
Зажег, как в дни, когда, бывало, у камина
Мой детский ум пленяла няня сказкой той.
Черты сатиры нам она являет,
Но желчи нет следа и злобы никакой.
И всем отраду сказка доставляет.
Но потому ещё люблю её читать,
Что нас она смеяться заставляет,
А между тем её и мать
И духовник наш одобряет.

К Мадемуазель

Ваше высочество.

Вероятно, никто не найдёт странным, что ребенку пришло в голову сочинить сказки, составляющие этот сборник; однако все удивятся, что у него хватило смелости вам их поднести. Однако, Мадемуазель, как бы ни был велик контраст между наивностью этих сказок и высокой просвещённостью вашего ума, тот, кто всмотрится в них хорошенько, увидит, что я далеко не так достоин порицания, как может показаться на первый взгляд. Все они содержат весьма разумную мораль, которая выступает более или менее явственно в зависимости от степени проницательности читателя. Но

так как ничто не характеризует в такой мере широту ума, как способность интересоваться самыми высокими предметами и наряду с этим нисходить до мелочей, – то никого не удивит, что та же самая принцесса, которой природные дарования и воспитание сделали доступным всё, что есть в мире возвышенного, с удовольствием прочтёт и подобного рода безделушки. Правда, эти сказки дают картину того, что происходит в заурядных семьях, где похвальное желание поскорее обучить детей заставляет родителей выдумывать истории, лишённые всякого смысла, чтобы удовлетворить запросы детей, ещё не обладающих здравым смыслом. Но кому, как не лицам, которых небо предназначило управлять народами, подобает знать, как живут эти последние? Желание приобрести эти познания побуждало иной раз героев, и даже героев из вашего рода, посещать лачуги и хижины, с тем чтобы увидеть собственными глазами характерные черты народного быта; приобрести эти познания показалось им необходимым для завершения своего образования. Как бы то ни было, Мадемуазель,

Имею честь пребывать,
Мадемуазель,
вашего королевского высочества
смиреннейшим и покорнейшим слугой.

П. Дарманкур

Спящая красавица

Жили-были король с королевой, которые так огорчились тем, что у них не было детей, так огорчились, что и рассказать нельзя. Ездили они на всякие целебные воды, давали обеты, совершали паломничества, – и ничего не помогало. Но наконец королева всё-таки забеременела и родила дочку.

Богатое было крещение. Маленькой принцессе позвали в крёстные матери всех фей, которых нашли в стране (а всего их нашлось семь), – чтобы каждая вручила свой дар. И так как в то время подношение таких даров было в обычае у фей, то принцесса таким образом получала всевозможные совершенства.

После того, как торжество крещения окончилось, все вернулись в королевский дворец, где был подготовлен большой праздник для фей. Перед каждой из них поставили великолепный обеденный прибор с ларчиком из литого золота, где лежали ложка, вилка и ножик из тончайшего золота, украшенные алмазами и рубинами. Но только заняли они свои места за столом, как вошла старая фея, которую не позвали, потому что вот уже пятьдесят лет она не выходила из своей башни, и все думали, что она либо умерла, либо очарована.

Король велел накрыть стол и для неё, но нельзя было поставить перед ней ларчика из литого золота, потому что их было сделано только семь штук – для семи фей. Старуха ре-

шила, что ей не оказывают должного уважения, и пробормотала сквозь зубы какие-то угрозы. Одна из юных фей, сидевшая рядом с ней, услышала это и, опасаясь, чтобы та не одарила принцессу каким-нибудь неприятным даром, как только все вышли из-за стола, пошла и спряталась за занавеской. Она решила говорить последней, чтобы, если это будет возможно, как-нибудь ослабить зло, которое причинит старуха.

Тем временем феи стали одарять своими дарами принцессу. Самая юная фея сказала, что она будет первой красавицей в мире; следующая – что у неё будет ангельский характер; третья – что она всё будет делать с удивительной грацией; четвёртая – что она будет замечательно танцевать; пятая – что она будет петь, как соловей; шестая – что она будет играть на всех инструментах в высшей степени прекрасно. Пришёл черёд старой феи, и та, тряся головой больше от досады, чем от старости, напороочила, что принцесса уколет себе руку веретеном и от этого умрёт.

Этот ужасный дар заставил задрожать всех собравшихся, и не было человека, который бы не заплакал. В эту минуту юная фея появилась из-за занавески и громко произнесла следующие слова:

– Успокойтесь, король и королева, ваша дочь не умрёт. Правда, не так уж я могущественна, чтобы совсем отменить страшный дар, который дан был моей предшественницей, и действительно, принцесса уколет себе руку веретеном; но вместо того чтобы умереть, она заснёт глубоким сном и бу-

дет спать сто лет, после чего появится королевский сын и разбудит её.

Чтобы избежать несчастья, предсказанного старухой, король издал указ, коим воспрещалось всем в королевстве не только прясть с помощью веретена, но и хранить его у себя под страхом смертной казни.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет, и король с ко-

ролевой отправились как-то в один из своих увеселительных замков. Принцесса, гуляя однажды по замку из комнаты в комнату, забралась наверх в башню, а там на чердаке сидела за прялкой, совсем одна, какая-то старушка. Эта славная женщина ни слова не слышала о королевском запрете.

– Что это вы делаете, тётушка – спросила принцесса.

– Пряду, дитяtko, – отвечала старуха, которая её не знала.

– Ах, как это красиво! – воскликнула принцесса. – Как же это вы делаете? Позвольте-ка мне попробовать, может быть, и у меня так выйдет.

Но как только она взяла веретено – а была она очень живая и немного легкомысленная, да, кроме того, и дар феи понуждал её к этому, – как уколола себе руку и тут же упала без чувств.

Добрая старушка в замешательстве позвала на помощь. К ней со всех сторон сбежалась. Брызгают принцессе водой в лицо, расстёгивают ей одежду, хлопают её по рукам, трут ей виски водой королевы Венгерской³³ – но всё безуспешно.

Тогда король, поднявшийся на шум, вспомнил о предсказании фей и, сообразив, что так оно и должно было случить-

³³ Знаменитая венгерская вода Ларендогра (*Aqua Reginae Hungaricae, Eau de la Reine d'Hongorie*), средневековый «эликсир красоты и молодости» – был одним из первых европейских ароматических составов (духов), содержащим спирт. Тесно связана с именем королевы Венгрии Елизаветы Польской. Согласно легенде, она регулярно применяла особое зелье, позволившее ей сохранить красоту и молодость до глубокой старости. Она очаровала польского принца и получила от него предложение руки и сердца, когда ей было 72 года!

ся, раз уж феи предсказали, велел положить принцессу в самом красивом покое дворца, на ложе, которое всё было вышито золотом и серебром. И можно было подумать, что это лежит ангел, – так была она прекрасна; потому что забытьё не изменило живых красок на её лице, щёки у неё были розовые, губы как кораллы; только глаза были закрыты, но слышно было, как она тихонько дышит, что и показывало, что она вовсе не умерла.

Король приказал, чтобы никто не мешал ей спать, пока не пробьёт час, когда она должна будет проснуться.

Добрая фея, что спасла ей жизнь, приказав спать сто лет, была в Матаконовом королевстве, за двенадцать тысяч миль от того места, где приключилось несчастье с принцессой. Но ей рассказал об этом в тот же миг один маленький карлик, у которого были семимильные сапоги (это такие сапоги, что если их надеть, то за один шаг пролетишь семь миль). Фея сейчас же пустилась в путь – а ехала она на огненной колеснице, которую везли драконы, – и не прошло часу, как её уже встретили. Король предложил ей руку и помог сойти с колесницы. Она одобрила всё, что он сделал, но так как фея была очень предусмотрительна, то подумала, что когда принцесса проснётся, она окажется в большом затруднении одна-одинёшенька в таком громадном замке. И вот что она сделала.

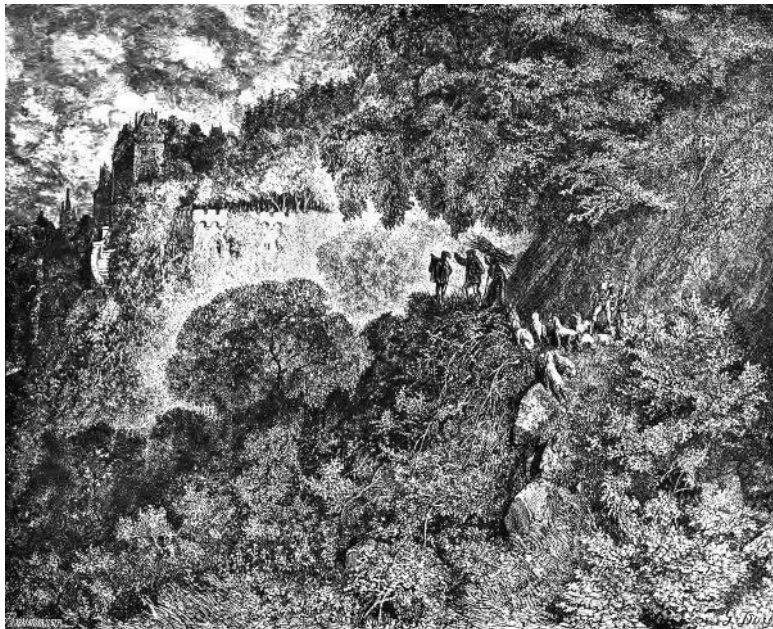
Своей волшебной палочкой она тронула всех, кто был в замке (кроме короля с королевой): гувернанток, фрейлин, горничных, придворных чиновников, дворецких, поваров,

поварят, стражей, привратников, пажей и лакеев. Она тронула также лошадей на конюшне и конюхов, больших дворовых собак и маленькую Пуфочку, собачку принцессы, которая, лежала около неё в постели. Только она до них дотронулась, как все сейчас же заснули, да так крепко, чтобы проснуться лишь вместе с принцессой и сразу быть готовыми к услугам, когда они ей понадобятся. Даже вертелы на огне, с насаженными на них куропатками и фазанами, заснули, и огонь тоже. Всё это случилось в одно мгновение, у фей ведь скоро всё делается.

Тогда король с королевой, поцеловав свою дорогую дочку, которая крепко спала, вышли из замка и издали указ, чтобы никто не смел к нему приближаться. Но такой запрет даже и не был нужен, потому что в какие-нибудь четверть часа вокруг парка выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника и терновника, которые переплелись друг с другом, что ни зверю, ни человеку не было прохода. Видны были только верхушки замковых башен, да и то очень издалека. Несомненно, это всё фея проделала при помощи своего искусства, чтобы принцессу, пока она спит, не побеспокоил кто-нибудь из любопытных.

Прошло сто лет, и сын короля, который в то время царствовал, бывший из другого рода, чем спящая принцесса, поехал в ту сторону на охоту. И тут он спросил, что это за башни, которые виднеются из-за густого леса. Каждый ему отве-

чал то, что сам слышал: один говорил, что это старый замок, навешаемый духами; другой – что там все окрестные колдуньи справляют свой шабаш. Но большинство говорило, что это жилище людоеда и что он туда уносит всех детей, которых ему случается изловить, чтобы там на досуге их съесть, и его никак нельзя выследить, так как он один умеет прокладывать себе дорогу через тот лес.

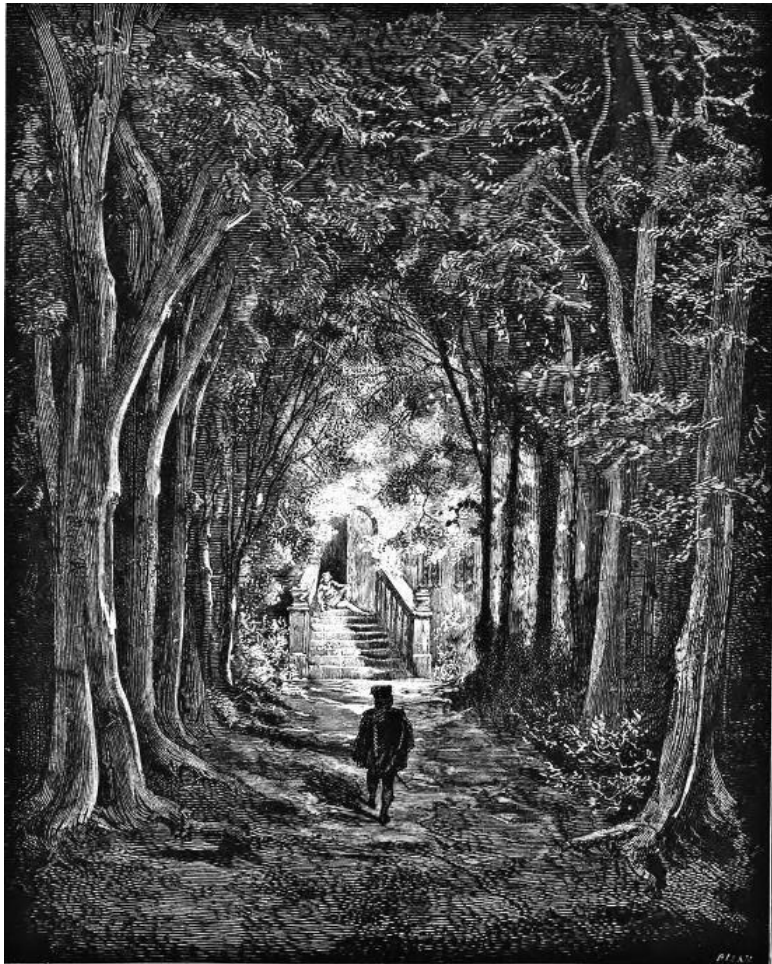

Принц не знал, чему верить, но тут один старый крестья-

нин обратился к нему и сказал:

– Дорогой принц, вот уже пятьдесят лет прошло с тех пор, как я слышал от отца, что есть в том замке принцесса – а красивее её нет на всём свете; что она должна проспать сто лет и что её разбудит корольевич, которому она сужена.

Молодой принц, услышав это, прямо весь загорелся; он собрался, недолго думая, положить конец такому замечательному происшествию. И так как ему хотелось и любви и славы, то он решил сейчас же узнать, что творится в том замке. И чуть только подошёл он к лесу, как все громадные деревья, колючи кустарник и терновник раздвинулись, чтобы его пропустить.

Он пошёл прямо к замку, что стоял в конце большой ал-

леи, на которую он попал. Но тут он был несколько изумлён, заметив, что никто из сопровождавших его людей не мог пойти вместе с ним, потому что деревья снова сплетались, как только он проходил между ними. Но это его не остановило, и он направился дальше, – ведь молодой и влюбленный принц всегда держится молодцом.

Он вошёл в передний двор и, оглядевшись, чуть было не застыл от страха. Вокруг было ужасное молчанье, повсюду виднелись картины смерти, лежали распростёртые тела людей и животных, казавшиеся мёртвыми. Но он скоро заметил по прыщеватым носам и красным лицам привратников, что они только спали, а их кубки, в которых ещё оставалось немножко вина, указывали, что заснули они выпивая.

Он пересекает большой двор, вымощенный мрамором, поднимается по лестнице, входит в залу стражи; она стоит там, выстроившись в ряд, ружья на плече, и храпит что есть мочи. Он проходит через покои, полные кавалеров и дам, которые все спят, кто стоя, кто сидя; вступает в опочивальню, всю позолоченную, и видит перед собой на ложе, занавеси которого подняты со всех сторон, прекраснейшее явление, какого он никогда не видел: принцессу, лет пятнадцати-шестнадцати на вид, лицо которой так сияло, что мож-

но было подумать, что это свет божественный. Он подошёл, дрожа и любуясь, и опустился перед ней на колени.

Тогда, так как пришло время окончиться чарам, принцесса проснулась, взглянула на него глазками нежнее, чем можно было подумать, увидав её спящей, и сказала ему:

– Это вы, принц? Долго же вас пришлось дожидаться.

Принц, очарованный этими словами, а ещё больше тем, как она их произнесла, не знал, как и выразить свою ра-

дость и признательность, и уверял принцессу, что он любит её больше, чем самого себя. Разговор был не очень складный, но тем-то он им и понравился, потому что в нём было мало красноречия, но много любви. Принц был ещё более смущён, чем она – и это не удивительно: у неё-то ведь было время, чтобы помечтать о том, что она ему скажет, потому что очень может быть (правда, история об этом умалчивает), что добрая фея, в продолжение столь долгого сна, навевала на неё самые приятные грёзы. В конце концов, целых четыре часа они говорили и не сказали друг другу и половины того, что им нужно было пересказать.

Тем временем весь дворец проснулся, всяк взялся за своё дело, но так как не все они были влюблены, то прямо-таки умирали от голода. Старшая фрейлина, которой хотелось есть, как и другим, не вытерпела и громко сказала, что жаркое подано на стол. Принц помог принцессе подняться (она ведь была полностью одета и очень даже роскошно), но поостерегся ей сказать, что платье у неё, как у его бабушки, и что у неё высокий воротник, какие носили при короле Генрихе IV; она и так была очень хороша.

Они прошли в зеркальный зал и поужинали, а вельможи принцессы подавали им кушанья. Скрипки и гобои играли старые, но очень красивые пьесы, хоть их никто уже не играл почти сто лет. А после ужина, не теряя времени, главный капеллан обвенчал их в замковой капелле, и старшая фрейлина задёрнула за ними занавеси.

Они мало спали: принцессе не было в том большой надобности, а принцу нужно было расстаться с ней к раннему утру и поехать в город к своему отцу, который уже должен был о нем беспокоиться.

Принц рассказал ему, что он на охоте заблудился в лесу и переночевал в избушке угольщика, который накормил его чёрным хлебом и сыром. Король, его отец, был большой простака и поверил, но мать была не слишком убеждена его рассказом. И заметив, что Принц каждый день ездит на охоту и что у него всегда есть причина переночевать две-три ночи где-нибудь, только не дома, – она не сомневалась, что у него завелась какая-то любовная история. А он так прожил со своей принцессой больше двух лет, и у них уже было двое детей, старшая – дочка, которую звали Заря, и младший – сын, которого звали День, потому что он казался ещё красивее, чем его сестра.

Королева-мать не раз говорила сыну, что ему пора устроить свою жизнь, надеясь, что он что-нибудь расскажет, но он не решался доверить ей свою тайну. Хотя он и любил мать, но всё-таки побаивался, так как она была из рода людоедов, и Король на ней женился лишь из-за того, что она была очень богата. При дворе даже потихоньку говорили, что у неё были и замашки людоедки, и что когда она видела маленьких детей, то еле-еле удерживалась, чтобы не броситься на них. Потому-то принц и не хотел ничего говорить ей.

Но прошло два года, и старый король умер. Тогда принц,

став королём, объявил повсюду о своей женитьбе и с большой церемонией поехал, чтобы привезти королеву, свою жену, во дворец. Ей устроили великолепный въезд в столицу; куда она прибыла вместе с обоими своими детьми.

Через некоторое время король пошёл войной на императора Канталабутта, своего соседа. Он оставил управление королевством своей матери-королеве и крепко-накрепко наказал ей беречь его жену и детей. Он должен был воевать всё лето, но как только он уехал, королева-мать тотчас же отослала сноху с детьми в отдалённый замок, чтобы, ей легче было осуществить одно ужасное намерение. Она поехала туда через несколько дней и сказала своему дворецкому:

– Я хочу завтра съесть за обедом маленькую Зарю.

– Ах, королева! – вскричал дворецкий.

– Я так желаю, – отвечала королева (и сказала она это так, как говорит людоедка, которой захотелось свежего мяса), – и я хочу её съесть под соусом Робер.³⁴

Бедный человек, видя, что нельзя шутить с людоедкой, взял большой нож и пошёл в комнату маленькой Зари. Ей было к тому времени четыре года, и она, подпрыгивая и хо-

³⁴ Коричневый горчичный соус, один из сложных соусов, полученных от классического французского деми-гласса, который, в свою очередь, происходит от соуса эспаньоль, одного из пяти материнских соусов французской кухни (бешамель, велуте, эспаньоль, соус томат и голландский соус. Соус Роберт готовится из мелко нарезанного лука, приготовленного на сливочном масле без цвета, с небольшим количеством белого вина, перца, добавления деми-гласа и заканчивается горчицей. Он подходит к красному мясу.

хоча, подбежала к нему, бросилась на шею и стала просить конфет. Дворецкий заплакал, нож выпал у него из рук, и он пошёл на задний двор, зарезал там маленького ягненка и сделал к нему такой прекрасный соус, что его повелительница сказала, что никогда не ела ничего вкуснее. В то же время он отдал маленькую Зарю своей жене, чтобы та спрятала её у себя в глубине заднего двора.

Спустя неделю злая королева сказала своему дворецкому: – Я хочу съестъ за ужином моего маленького внука.

Тот не стал спорить, решив её обмануть так же, как и в прошлый раз. Он пошёл за юным принцем и увидел, что День, схватив маленькую рапиру, сражался с большой обезьяной, а было ему всего три года. Он отнёс мальчика к своей жене, и та спрятала его вместе с маленькой Зарёй, а дворецкий подал на стол вместо внука маленького, очень нежного козлёнка, которого людоедка нашла замечательно вкусным.

До сих пор всё шло отлично, но однажды вечером злая королева-мать сказала дворецкому:

– Я хочу съестъ королеву под тем же соусом, что и детей.

Тут бедный дворецкий подумал, что уж больше ему её не обмануть. Молодой королеве было лет двадцать, не считая тех ста, которые она проспала, и у неё была немножко твердая кожа, хотя и белая и красивая, – ну где на скотном дворе найдёшь подходящее животное с такой твердой шкурой? И он решил, чтобы спасти свою жизнь, перерезать горло королеве. Дворецкий поднялся к ней в комнату, собираясь по-

кончить сразу же с этим делом. Он привел себя в ярость и вошёл с кинжалом в руке в комнату юной королевы. Однако он всё же не хотел застигнуть её врасплох и с великим почтением передал приказание, которое получил от королевы-матери.

– Делайте, что вам приказано, – сказала она ему, подставляя шею, – исполняйте приказание; я увижу, по крайней мере, моих бедных детей, которых так любила!

Она думала, что они уже умерли, после того как их унесли, не сказав ей ни слова.

– Нет-нет, королева, – отвечал растроганный дворецкий, – вы не умрёте, и хоть вы действительно увидите ваших детей, но только у меня – там, где я их спрятал. А я ещё раз обману королеву: приготовлю ей молодую лань вместо вас.

И он отвёл её к себе, где она стала целовать своих детей и плакать вместе с ними, а он тем временем приготовил лань, которую королева съела за ужином с таким же аппетитом, как съела бы юную королеву. Она была очень довольна своей жестокостью и собиралась сказать королю, когда он вернётся, что бешеные волки сожрали его жену и обоих детей.

Однажды вечером, когда королева-мать по своему обыкновению бродила по улицам и задворкам замка, промышляя себе свеженького мяса, она услышала, как плакал маленький День в подвале, потому что королева, его мать, собиралась его отшлёпать за то, что он не слушался; и она услышала также голос Зари, которая просила прощенья за своего

братика. Людоедка узнала голос юной королевы и её детей, и обозлившись, что её обманули, приказала, крича ужасным голосом, от которого все дрожали, завтра с самого утра поставить посреди двора большой чан, наполненный жабами, гадюками и другими гадами, чтобы бросить туда королеву с детьми, дворецкого, его жену и служанку.

Она велела всех их привести во двор со связанными за спиной руками. И когда все приготовления были закончены, и палачи уже приготовились бросить несчастных в чан, – вдруг во двор, верхом на лошади, въехал король, которого никто так рано не ждал. Он собрался домой внезапно и теперь спросил с большим удивлением, что означает это ужасающее зрелище. Никто не решался ему ответить, а людоедка, взбешённая тем. Что затея её не удалась, сама бросилась головой вниз в чан и в один миг была пожрана ужасными гадами, которых она велела туда насажать.

Король сильно расстроился, потому что всё-таки она была ему матерью, но скоро утешился с красавицей женой и детьми.

Нравоучение

Немного потерпеть, чтоб мужа приобрести,
А в нем – богатство, статность, честь,
Тому всегда найдешь примеры,

Но сотню лет прождать и спать притом без меры —
Уж больше не найти такой
Красотки сонной и простой.
А сверх того, нас учит эта сказка,
Что, коль со свадьбою немного обождать,
Все также будет нам приятна мужа ласка,
И подождать – не значит потерять.
Но к сердцу сердце ведь стремится,
Единым пламенем горя,
И не могу никак решиться
На проповедь такую я.

Красная шапочка

Жила-была в одной деревне маленькая девочка и такая красивенькая, что, кажется, никто такой и не видал. Мать любила её без ума, а бабушка ещё больше. И старушка сделала ей красный шлычок³⁵, который так хорошо пришёлся девочке, что её всюду звали Красной Шапочкой.

Вот один раз мать её напекла пирогов и говорит:

– Ну-ка, сходи ты к бабушке, узнай, как она поживает, потому что мне сказали, что она нездорова; снеси-ка ей пирожки да горшочек с маслом.

Красная Шапочка сейчас же собралась и пошла к своей бабушке, которая жила в другой деревне.

Идёт она лесом, и встречается ей куманёк-волк; ему сейчас же захотелось её съесть, но он не посмел, потому что неподалеку в лесу работали дровосеки. Он её и спрашивает, куда это она идёт.

³⁵ Шлычок, шлычка – женский головной убор в виде небольшой круглой шапочки, чепец, колпак; род кокошника.

Бедная девочка не знала, что очень опасно останавливать-

ся в лесу и слушать, что говорит волк, и сказала ему:

– Я иду к моей бабушке и несу ей пирожки и горшочек с маслом, которые ей матушка посылает.

– А далеко ли она живёт? – спросил волк.

– О да, – ответила ему Красная Шапочка, – вон за той мельницей, видите, в первом домике в деревне.

– Ладно, – сказал волк, – я тоже пойду её проведу; я вот по этой дороге пойду, а-ты иди по той, – посмотрим-ка, кто из нас раньше доберётся.

Тут волк понёсся бегом изо всех сил по той дороге, что была покороче. А девочка пошла по дороге, что была длиннее, да ещё стала играть, собирать орехи, бегать за бабочками и составлять букеты из цветочков, которые ей попадались.

Волк мигом добежал до бабушкиного домика и стучится: тук-тук.

– Кто там? – спросила бабушка – Это ваша внучка, Красная Шапочка, – ответил волк, изменив свой голос, – я принесла вам пирожки и горшочек с маслом, это вам мама посылает.

Добрая старушка в это время лежала в постели, потому что она была не совсем здорова, и крикнула ему:

– Дёрни за верёвочку, щеколда и откроется.

Волк дёрнул за верёвочку, и дверь отворилась. Тут он бро-

сился на добрую старушку и сожрал её так, что и не осталось ничего, потому что он уж больше трёх дней ничего не ел. Потом он запер дверь и улёгся на бабушкину постель, поджидая Красную Шапочку.

Вот через некоторое время она пришла и стучится: тук-тук.

– Кто там? – отозвался волк.

Красная Шапочка сперва испугалась, услышав, такой страшный незнакомый голос, а потом подумала, что, верно, у бабушки насморк, и отвечала:

– Это ваша внучка, Красная Шапочка. Я принесла вам пирожки и горшочек с маслом – это вам мама посылает.

Волк ей крикнул, немножко смягчив свой голос:

– Дёрни за верёвочку, щеколда и откроется.

Красная Шапочка дёрнула за верёвочку, и дверь отворилась.

Волк видит, что она вошла, спрятался под одеяло и говорит:

– Положи-ка пирожки на квашню, да и горшочек поставь, и иди ляг со мной.

Красная Шапочка разделась, пошла ложиться и очень удивилась, когда увидела свою бабушка раздетой. И спрашивает:

- Бабушка, да какие же у вас большие руки!
- Это, чтобы покрепче тебя обнять, внученька!
- Бабушка, да какие же у вас большие ноги!
- Это, чтобы лучше бегать, дорогая!
- Бабушка, да какие же у вас большие уши!
- Это, чтобы лучше слышать, милая!

- Бабушка, да какие же у вас большие глаза!
- Это, чтобы лучше видеть, деточка!
- Бабушка, да какие же у вас большие зубы!
- А это, чтобы тебя съесть!

И с этими словами злой волк бросился на Красную Шапочку и съел её.

Нравоучение

Из этой притали становитса ясней:
Опасно детям слушать злых людей,
Особенно ж девицам
И стройным, и прекраснолицым.
Совсем не диво и не чудо
Попасть волкам на третье блюдо.
Волкам... но ведь не все они
В своей породе откровенны.
Иной приветливый, почтенный,
Не показав когтей своих,
Как будто бы невинен, тих,
А сам за юною девицей
До самого крыльца он по пятам стремитса.
Но кто ж не ведает и как не взять нам в толк,
Что всех волков опасней лстивый волк.

Синяя Борода

Жил-был человек, у которого были красивые дома и в городе и в деревне, посуда, золотая и серебряная, мебель, расшитая богатыми узорами, и кареты, сверху донизу позолоченные. Но, к несчастью, у этого человека была синяя борода, и она делала его таким гадким и таким страшным, что не было ни одной женщины или девушки, которая бы не убежала, увидав его.

У одной из его соседок, почтенной дамы, были две дочки, писанные красавицы. Он попросил у этой дамы одну из них себе в жёны и предоставил ей самой решить, которую выдать за него. Но они, ни та, ни другая, не хотели за него идти, и каждая говорила, что другая должна выйти за него замуж, так как ни одна не могла решиться взять себе в мужа человека с синей бородой. Кроме того, они боялись ещё и потому, что этот человек уже не раз женился, но никто не знал, куда девались его жёны.

Синяя Борода, чтобы лучше познакомиться с девушками, пригласил их с матерью и тремя-четырьмя лучшими подругами да несколькими молодыми людьми из соседей в свой деревенский замок, где они прожили, целую неделю. И всё это время они только и делали, что гуляли, ездили на охоту да на рыбную ловлю, плясали да пировали. Ни одной ночи они не проспали, а всё подшучивали друг над дружкой.

В конце концов всё пошло так хорошо, что младшая сестра стала наконец подумывать, что у хозяина вовсе уж не такая синяя борода и что он замечательно вежливый человек. И как только они вернулись в город – сыграли свадьбу.

Прошёл месяц, и Синяя Борода объявил своей жене, что

ему придётся съездить в провинцию, по важным делам, по меньшей мере, недель на шесть. Он просил её хорошенько развлекаться в его отсутствие, пригласить своих подруг приехать к ней в загородный замок, если ей захочется, и всюду делать всё, что ей, вздумается.

– Вот, сказал он, – ключи от двух больших мебельных кладовых, вот ключи от серебряной и золотой посуды, которую не подают каждый день; вот ключи от моих сундуков с золотом и серебром и от ларцов с драгоценными камнями; а вот ключ, который отпирает все двери в замке. Ну, а этот маленький ключ – это ключ от комнаты в конце большой галереи нижних покоев. Отворяйте все двери, ходите повсюду, но в эту комнатку я вам запрещаю входить, и запрет мой таков, что если вы меняслушаетесь, то можете ожидать моего гнева.

Она обещала ему соблюсти все его приказания, и, обняв её напоследок, он сел в карету и отправился в путешествие.

Соседки и добрые подруги не стали дожидаться, чтобы их позвали в гости к молодой жене, так им не терпелось посмотреть на все богатства её замка, а пока муж был дома, они не решались приезжать, так как боялись его синей бороды. И вот они обходят залы, комнаты, кладовые с одеждой, которые были все одна другой богаче и красивей. Затем они поднялись в мебельные кладовые, где не могли надивиться количеству и красоте ковров, постелей, диванов, шкафчиков, столиков, больших столов и зеркал, в которых можно было

видеть себя с ног до головы и которые были в таких рамках – одни из стекла, другие из серебра, – что нигде нельзя было найти ни красивее, ни роскошнее. Они расхваливали счастье своей подруги и завидовали ему, а та нимало не прельщалась всеми этими богатствами, так уж очень не терпелось ей пойти и отомкнуть комнату в нижних покоях.

И так подгоняло её любопытство, что, забыв о том, что невежливо покидать гостей, она спустилась потайной лестницей и так при этом спешила, что раза два чуть себе шею не свернула. Подойдя к двери комнатки, она остановилась на несколько минут, задумавшись о запрете своего мужа и размышляя о том, что её могло постичь несчастье за непослушание. Но искушение было так велико, что она не смогла удержаться, взяла маленький ключик и отворила, дрожа, дверь комнатки.

Сначала она ничего не увидела, так как окна были закры-

ты. Через несколько мгновений она понемногу разглядела, что пол весь покрыт свернувшейся кровью, в которой отражались трупы нескольких женщин, висевшие по стенам. (То были все жёны Синей Бороды, которых он зарезал одну за другой.) Девушка чуть было не умерла от страха, и ключ комнатки, который она вынула из замка, упал из её руки.

Когда она немного пришла в себя, то подняла ключ, заперла дверь и вернулась к себе наверх, чтобы немного прийти в себя, но никак не могла успокоиться, так была взволнована.

Заметив, что ключ комнатки был испачкан кровью, она вытерла его несколько раз, но кровь не отходила. И как она ни мыла, как ни чистила его песком и толчёным кирпичом – ничего не помогало, – ключ оставался в крови: потому что он был заколдован, и не существовало средства, чтобы вычистить его: сотрёшь кровь с одной стороны, а она появится на другой.

В тот же вечер вернулся из своего путешествия Синяя Борода и сказал, что он по дороге получил письма, из которых узнал, что то дело, ради которого он ехал, завершилось без него к полному его удовольствию. Его жена постаралась, как только могла, показать, что она довольна скорым его возвращением.

На другой день Синяя Борода спросил у неё ключи. Она отдала их, но рука у неё так дрожала, что он легко догадался, что произошло.

– А почему это, – спросил он, – здесь нет ключа от нижней

комнаты?

– Наверное, – отвечала она, – я оставила его наверху, у себя на столе.

– Поторопитесь, – сказал Синяя Борода, – вернуть мне его.

После нескольких отсрочек ей пришлось принести ключ.

Синяя Борода, взглянув на него, спросил у жены:

– А почему этот ключ в крови?

– Не знаю, – ответила бедная женщина, став бледнее смерти.

– Не знаете? – повторил Синяя Борода. – Но я-то хорошо знаю. Вам захотелось войти в ту комнату! Ну что ж, сударыня, вы войдёте, и вам найдётся место около тех дам, которых вы там видели.

Плача и умоляя о прощении, бросилась она к ногам мужа со всеми признаками истинного раскаяния в своём непослушании. При этом она была так красива и столь удручена, что разжалобила бы каменный утёс, но сердце Синеи Бороды было твёрже утёса.

– Придётся умереть, сударыня, – сказал он ей, – и сейчас же.

– Если суждено умереть, – отвечала она, глядя на мужа глазами, полными слёз, – дайте мне время, чтобы помолиться богу.

– Даю вам семь минут, – ответил Синяя Борода, – и ни одного мгновения больше.

Оставшись одна, она позвала сестру и сказала ей:

– Сестра моя Анна (так звали её), поднимись, прошу тебя, на башню и посмотри, не едут ли мои братья, – они мне обещали сегодня возвратиться; а если ты их увидишь, дай им знак, чтобы поторопились.

Анна поднялась на башню, а бедняжка спрашивала её время от времени:

– Анна, сестра моя Анна, не видишь, никто не едет?

А сестра ей отвечала:

– Я вижу только, как солнце садится да трава золотится.

Тем временем Синяя Борода с громадным ножом в руках кричал изо всей мочи:

– Спускайся скорее, не то я сам поднимусь наверх!

– Ещё одну минутку, пожалуйста, – отвечала ему жена. И сейчас же тихонько окликнула сестру:

– Милая моя Анна, не видишь ли, никто не едет?

– Я вижу, – отвечала сестра, – облако пыли, что движется с той стороны.

– Это братья наши!

– Увы, нет, сестра моя, это стадо овец.

– Ну, так спустишься ты наконец?! – кричал снизу Синяя Борода.

– Ещё мгновение, – отвечала жена. И снова крикнула:

– Анна, сестра моя Анна, не видишь, никто не едет?

– Я вижу, – отвечала та, – двух рыцарей, которые едут с той стороны, но они ещё очень далеко.

– Слава богу, – вскричала она через мгновение, – это наши братья! Я машу им, как только могу, чтобы они поторопились.

Тут Синяя Борода принялся кричать так, что весь дом за-

дрожал. Бедная женщина сошла и бросилась к его ногам, вся растрёпанная и заплаканная.

– Это ни к чему не приведёт, – сказал Синяя Борода, – тебе придётся умереть.

С этими словами, хватив её одной рукой за волосы и занеся нож другой, он уже собирался отсечь ей голову. Бедняжка, повернувшись к нему и глядя умирающими глазами, просила дать ей одно мгновение, чтобы приготовиться к смерти.

– Нет-нет – сказал он, – поручи себя богу! – И занёс над ней руку с ножом.

В это мгновение раздался такой сильный стук в дверь, что Синяя Борода остановился. Дверь распахнулась, и два кавалера со шпагами в руках бросились прямо к Синей Бороде.

Тот узнал братьев своей жены, одного – драгуна, другого мушкетёра, и тотчас же обратился в бегство, чтобы спастись. Но оба брата бросились за ним и настигли его раньше, чем тот добежал до крыльца. Они пронзили его своими шпагами насквозь, и он упал бездыханный. Бедная женщина находилась почти в таком же состоянии, как и её муж, и не в силах была подняться, чтобы обнять братьев.

Оказалось, что у Синей Бороды не было наследников, и таким образом, его жена стала владелицей всего его добра. Тогда она часть своего имения отдала на то, чтобы выдать замуж свою сестру Анну за молодого дворянина, который давно её любил; другую часть – на то, чтобы купить капитанские чины своим братьям; а остальное – на то, чтобы ей самой выйти замуж за очень достойного человека, с которым она позабыла о тяжелом времени, когда жила с Синей Бородой.

Нравоучение

Нередко любопытство губит нас.
Немало хитрых в нем прикрас.
И без конца тому встречаются примеры.
То – преходящая забава, видит свет.
Хоть стоит дорого без меры,
А только тронь – её уж нет.

Другое нравоучение

Чуть здоровым смыслом обладая
И зная что такое свет,
Узнать нетрудно, не гадая,
Что это – сказка давних лет.
Уж нет супругов столь ужасных,
Что невозможного хотят.
У нас ревнивцев самовластных
Увидишь подле жен смирнее ягнят.
Пусть будет борода какого хочешь цвета,
А кто под каблуком – неясно часто это.

Кот в сапогах

Один мельник оставил трём своим детям в наследство только мельницу, осла и кота. Вскоре они поделились между собой, не призвав при этом ни нотариуса, ни прокурора. Ведь те разом бы проглотили всё их наследство. Старший получил мельницу, средний – осла, а самому молодому достался только кот.

Младший никак не мог утешиться таким жалким жребием.

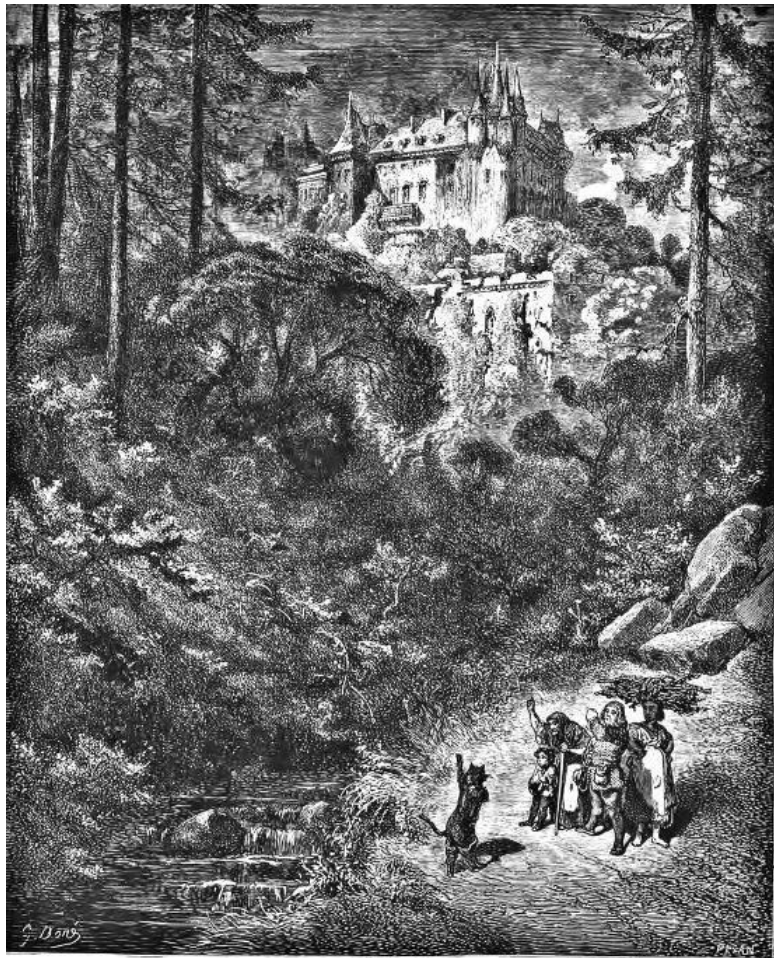
– Мои братья, – рассуждал он, – заработают себе на хлеб, если будут жить вместе, а мне, когда я съем своего кота и сделаю себе муфту из его шкурки, придётся умереть с голоду.

Кот слышал это рассуждения, но не подал и виду и сказал ему степенным и важным голосом:

– Не огорчайтесь, хозяин, а лучше дайте мне мешок да закажите пару сапог, чтобы можно мне было ходить по кустарникам, и тогда вы увидите, что ваша судьба не так уж плоха, как вы полагаете.

Хотя хозяин кота не очень-то положился на его слова, но всё же вспомнил, как кот ловко изворачивался, когда нужно было ловить крыс или мышей: то он висел вниз головой, то прятался в муку и притворялся мёртвым, – и подумал он, что может быть кот и поможет ему в его горестях.

Как только кот получил всё, что просил, он надел сапоги, молодец-молодцом, перекинул мешок себе через плечо, взял бечёвку в передние лапы и отправился в одно место, где водилось многое множество кроликов. Положил он в свой мешок отрубей и заячьей капусты, да и растянулся, словно мёртвый, поджидая какого-нибудь молодого кролика, плохо ещё знакомого с хитростями белого света, который бы сунулся в его, – мешок полакомиться тем, что там было.

И только он улёгся, как всё случилось к его удовольствию:

молодой легкомысленный кролик полез в мешок. Тут господин кот затащил бечёвку, схватил кролика и прикончил его без милосердия.

Весьма гордый своей добычей, он направился во дворец и потребовал, чтобы его допустили к королю. Кота ввели в покои его величества. Там он, отвесив низкий поклон королю, сказал:

– Вот, государь, кролик из садка господина маркиза де Карабаса (это имя он сам придумал своему хозяину). Он приказал мне поднести вам его от своего имени.

– Скажи своему хозяину, – ответил король, – что я его благодарю и очень доволен.

В другой раз кот спрятался во ржи, раскрыл свой мешок, и как только две куропатки в него зашли, быстро потянул бечёвку, поймав обеих. Затем тотчас же отправился к королю и поднёс ему птиц, как первый раз поднёс кролика. Король с удовольствием принял куропаток и велел вознаградить кота.

Прошло два или три месяца, и кот время от времени приносил королю дичь, которую будто бы убивал на охоте его хозяин. И вот однажды узнал он, что король едет на прогулку по берегу реки вместе со своей дочкой, самой красивой принцессой в мире. Тогда кот сказал своему хозяину:

– Если вы послушаетесь моего совета, вы будете счастливы на всю жизнь. Вам нужно только пойти искупаться в речке, а всё остальное я сделаю сам.

Названный маркиз де Карабас сделал так, как ему посове-

товал кот, даже не догадываясь, зачем это нужно. В то время как он купался, мимо проезжал король, и кот принялся кричать изо всех сил:

– На помощь! На помощь! Маркиз де Карабас тонет!

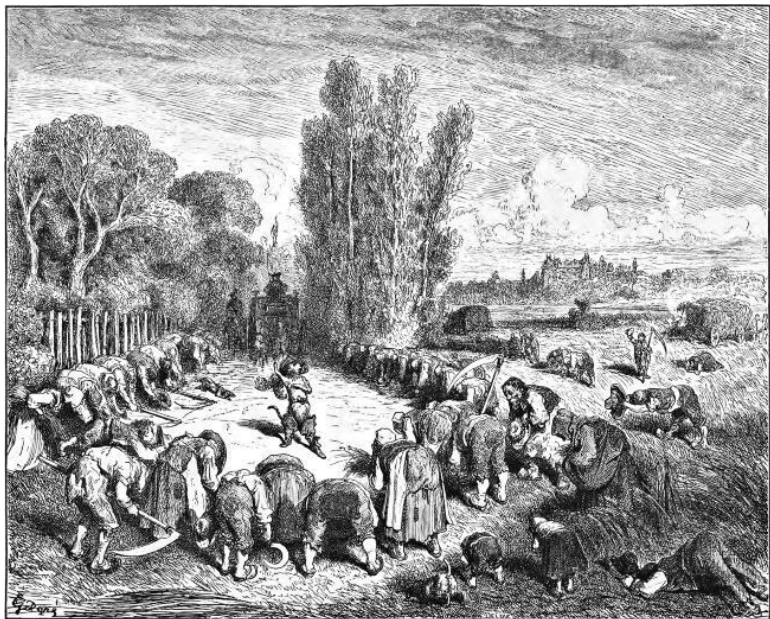
Король на крик высунул голову из кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему дичь, приказал своей страже тотчас же отправиться на помощь господину маркизу де Карабасу.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот, подойдя к карете, сказал королю, что в то время, как его хозяин купался, явились разбойники и украли всю его одежду, хотя он и кричал изо всей силы: «Разбой»! А на самом деле хитрец спрятал её под большим камнем.

Король сейчас же приказал офицерам, сопровождавшим

его гардероб, достать одно из лучших платьев для господина маркиза де Карабаса. Король осыпал его ласками, а так как прекрасные одежды, в которые обрядили маркиза, оказались очень ему к лицу (он ведь был красив и строен), то он пришёлся по вкусу королевской дочке. И стоило маркизу де Карабасу разика два посмотреть на неё весьма почтительно и довольно нежно, как она влюбилась в него без памяти.

Король пожелал, чтобы маркиз вошёл в его карету и при-

нял участие в их прогулке. А кот, в восторге от того, что его выдумка начинает удаваться, побежал вперёд и, увидав крестьян, которые косили на лугу, приказал им:

– Смотрите, люди добрые, если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит господину маркизу де Карабасу, то вас всех изрубят, как начинку для пирога.

Король подъехал и спросил у косцов: чей это луг.

– Это луг господина маркиза де Карабаса, ответили те в один голос, потому что кот напугал их своими угрозами.

– У вас здесь хорошее имение, – сказал король Маркизу де Карабасу.

– Истинная правда, государь, – ответил маркиз, – каждый год на этом лугу прекрасный сенокос.

Тем временем кот побежал дальше, встретил по дороге жнецов и говорит им:

– Смотрите, люди добрые, если вы не скажете королю, что эти хлеба принадлежат господину маркизу де Карабасу, то вас всех изрубят, как начинку для пирога.

Король, который подъехал через минуту, захотел узнать, чьи это хлеба столь бурно колосятся.

– Господина маркиза де Карабаса, – отвечали жнецы, и король опять порадовался вместе с маркизом.

Кот бежал впереди кареты и всем, кого он встречал, говорил одно и то же, так что король был удивлён, что у маркиза де Карабаса столь обширные владения.

Наконец господин кот прибежал к прекрасному но мрач-

ному замку, хозяином которого был людоед. Этот людоед был страшный богач, и все те земли, через которые проезжал король, принадлежали именно ему. Кот раз узнал, кто был этот людоед и что он умел делать, и попросил, чтобы его провели к нему, так как он, по его словам, не хотел пройти мимо, не засвидетельствовав хозяину замка своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

– Меня уверяли, – сказал кот, – что у вас есть дар обращаться в любое животное; что вы можете, например, обратиться в льва или слона.

– Это верно, – ответил людоед грубым голосом, – и чтобы вы не сомневались, вы увидите, как я обращаюсь сейчас в льва.

Кот был так перепуган, увидав вдруг перед собой льва, что в одну секунду оказался на водосточной трубе, правда, не без труда и опасности, так как он был в сапогах, а в них не так-то просто лазить по крышам.

Через некоторое время кот, видя, что людоед снова обратился в человека, спустился, признавшись, что он немало-таки напугался.

– Меня уверяли ещё, – сказал кот, – но я никак не могу поверить, что у вас есть также дар обращаться в самых маленьких животных, например в крысу или мышь; должен признаться, я считаю это совершенно невозможным.

– Невозможным? – переспросил людоед. – А вот вы увидите!

И в ту же минуту он обратился в мышь, которая забегала по полу. А кот, как только увидел это, бросился на неё и съел.

Тем временем король, который, проезжая мимо, обратил внимание на прекрасный замок людоеда и захотел осмотреть его. Кот услышал, как гремит карета, переезжая подъёмный мост, бросился навстречу и сказал королю:

– Добро пожаловать, ваше величество, в замок господина маркиза де Карабаса!

– Как, господин маркиз, – воскликнул король, – этот замок тоже ваш? Я в жизни ничего не видал красивее этого двора и окружающих строений. Пойдёмте-ка внутрь, пожалуйста.

Маркиз подал руку юной принцессе, и они последовали за королём, который шёл впереди. Они вошли в громадный зал, где было приготовлено великолепное угощение для друзей людоеда, которые собрались к нему в этот день в гости, но не посмели прийти, узнав, что в замок пожаловал король. Очарованный достоинствами господина маркиза де Карабаса (так же, как и его дочка, которая была от маркиза без ума), и видя, какой он богач, король сказал ему, осушив пять или шесть кубков:

– Коли вам охота, господин маркиз, так будьте моим зятем.

Маркиз с глубоким поклоном поблагодарил за королевскую честь и в тот же день женился на принцессе. А кот стал очень важной персоной и охотился с той поры на мышей только для развлечения.

Нравоучение

Для счастья верным служит средством
Богатым обладать наследством,
Оно влечет его с собой,

А все же юноша обычно
Ухваткой, ловкостью приличной
Найдет получше жребий свой.

Другое нравоучение

И если мельников сынишка может
Принцессы сердце потревожить,
И смотрит на него она едва жива,
То значит молодость и радость
И без наследства будут в сладость,
И сердце любит и кружится голова.

Фея

Жила-была вдова, у которой было две дочери. Старшая до того походила на мать и лицом и характером, что их легко можно было спутать. Обе – такие неприятные и заносчивые, что жить с ними было невозможно. А младшая дочка – вылитый отец, и по доброте своей, и вежливости, – была вместе с тем и самая красивая девушка, какую только можно встретить. Обыкновенно любят тех, кто на нас похож, и потому мать без ума любила свою старшую дочку и в то же время питала страшное отвращение к младшей. Она заставляла её есть на кухне и работать без передышки.

Нужно было этой бедной девочке, помимо других дел, ещё два раза на дню ходить по воду за добрые полверсты от дома и приносить её целый большой кувшин. Вот однажды у ручья подошла к ней бедная женщина и попросила напиться.

– Пожалуйста, тётушка, – отвечала ей девушка, сполоснула кувшин, набрала воды, да почище, и дала той напиться, поддерживая кувшин, чтобы пить было поудобнее.

Добрая женщина напилась и говорит:

– Вы так красивы, добры и вежливы, что я должна дать вам что-нибудь в дар (а то была фея, которая обратилась в бедную деревенскую женщину, чтобы узнать: действительно ли эта девушка такая вежливая). И я вас наделю таким даром, – продолжала фея, – что при каждом слове, которое вы

произнесёте, из вашего ротика появится цветок или драгоценный камень.

Когда красавица пришла домой, мать стала её бранить, за

то, что она долго не возвращалась с ручья.

– Простите, маменька, – отвечала бедная девочка, – что я так запоздала. – И с этими словами из её ротика появились две розы, две жемчужины и два больших алмаза.

– Это что такое? – спросила мать в полном изумлении. – Мне кажется, что у тебя изо рта падают жемчуга и алмазы. Отчего это, дочка? (То было в первый раз, когда она назвала её дочкой.)

Тут бедная девочка рассказала попросту всё, что с ней случилось, и алмазы так и сыпались при этом из её рта.

– Ну, – сказала мать, – непременно надо туда послать мою дочку. Смотрите-ка, Фаншон, что появляется изо рта вашей сестры, когда она говорит. Думаю, вы бы очень хотели обладать таким же даром. А нужно только пойти к ручью за водой, и когда-бедная женщина попросит попить, дать ей напиться повежливей.

– Ну, вот ещё, – ответила грубиянка, – чтобы я да пошла за водой!

– А я хочу, чтобы вы пошли, – ответила мать, – и без всяких разговоров.

Дочь пошла, но всё время ворчала. А для воды взяла с собой самый красивый серебряный флакон, какой только нашёлся в доме. Только она подошла к колодцу, как из лесу выходит великолепно одетая дама и просит у неё напиться. Это была та же фея, что явилась к её сестре, но она обратилась в принцессу, чтобы посмотреть, действительно ли такая

невежливая эта девочка.

– Словно я для того пришла, – ответила заносчиво грубиянка, – чтобы вас поить? Я и флакон-то серебряный нарочно принесла, чтобы дать напиться королеве! Ну, да уж так и быть, напейтесь и вы, если вам хочется.

– Вы не очень вежливы, – отвечала ей фея, не рассердившись. – Ну что ж, за то, что вы такая неуслужливая, даю вам в качестве дара такое свойство, что при каждом слове из вашего рта появится змея или жаба.

С этим наказом девушка отправилась домой. Не успела мать увидеть её, как закричала:

– Ну, дочка?

– Ну, маменька, чего вам? – отвечала грубиянка, и у неё изо рта упали две гадюки и две жабы.

– Боже. мой, – вскрикнула мать, – что я вижу! Это её сестра виновата, уж она у меня поплатится.

И она бросилась, чтобы поколотить младшую дочь. Бедная. девочка убежала и спряталась в соседнем лесу. В это время сын короля, возвращавшийся с охоты, встретил её и, подивившись её красоте, спросил, что она тут делает одна-одинёшенька и отчего плачет.

– Увы, государь, моя мать прогнала меня из дому.

Сын короля, увидавший, что при этих словах из её ротика упали пять или шесть жемчужин и столько же алмазов, попросил рассказать, откуда у неё такой дар.

И девочка рассказала ему всю свою историю. Сын коро-

ля влюбился в неё и, рассудив, что такой дар стоит дороже любого приданого, что могла бы ему принести другая невеста, привёз её во дворец к королю, своему отцу, и женился на ней.

А её сестру так все возненавидели, что собственная мать выгнала её из дому, и несчастная, не найдя никого, кто захотел бы её приютить, умерла в чаще леса.

Нравоучение

Алмаз и отблеск золотого
Прельщают многих и манят,
Однако ласковое слово
Сильнее много их и лучше во сто крат.

Другое нравоучение

Пусть стоит вежливость забот,
Но забывать о ней не надо,
И рано ль, поздно ль, а награда
Внезапно явится, когда никто не ждёт.

Золушка, или Хрустальная туфелька

Жил-был некогда дворянин, который женился вторым браком на женщине, да столь гордой, что другой такой никогда и не видали. У неё были две дочери, обладавшие таким же характером и во всем на неё похожие. А у мужа была своя дочка, такая добрая и нежная, что и не расскажешь, – это она унаследовала от своей матери, лучше которой не было никого на свете.

Не успели сыграть свадьбу, как мачеха уже показала свой злой характер, потому что она не могла выносить доброту этой девочки, из-за которой её-то дочерей ещё больше ненавидели все. Она заставила падчерицу заниматься самыми тяжёлыми работами по дому: ей приходилось мыть посуду и лестницы, она убирала комнату госпожи и барышень, её дочерей; спала она наверху, на чердаке, на скверном соломенном тюфяке, в то время как её сёстры жили в комнатах с паркетными полами, где у них были самые модные кровати и зеркала, в которых они видели себя с головы до ног. Бедная девочка терпеливо всё сносила и не смела жаловаться отцу, который бы её выбранил, так как он во всём слушался своей жены.

Окончив работу, она забиралась в уголок у камина и садилась на золу, отчего все в доме звали её Черногузкой. Младшая сестра, которая не была такой злой, как старшая, звала

её Золушкой. И в то же время Золушка в своих жалких одеждах была во сто раз красивее сестёр, несмотря на их роскошные платья.

Случилось раз, что сын короля давал бал и позвал на него всех знатных людей. Наши барышни также были приглашены, так как они слыли важными особами в той стране. И вот, очень довольные, занялись они выбором нарядов и причёсок, которые бы им больше всего пошли. Новая забота для Золушки, так как ей ведь пришлось гладить сёстрам бельё и крахмалить их воротнички. Они только о том и говорили, как бы понаряднее приодеться.

– Я, – говорила старшая, – надену платье из красного бархата и украшения, которые мне привезли из Англии.

– А я, – говорила младшая, – надену свою обычную юбку, но зато у меня будет накидка с золотыми цветами и бриллиантовый пояс – такой не у всякой есть.

Послали за лучшей парикмахершей, чтобы приготовить им чепчики в две складочки, и купили мушек у лучшей мастерицы. Они позвали и Золушку, чтобы спросить её совета, так как у неё был хороший вкус. Золушка им посоветовала так хорошо, как вряд ли мог сделать кто другой, и предложила даже их причесать, на что те с удовольствием согласились.

Пока она их причесывала, те говорили ей:

– Золушка, а тебе хотелось бы поехать на бал?

– Ах, барышни, вы надо мной смеётесь. Разве мне там годится быть?

– Это верно, все бы только посмеялись, коли бы увидели, что Черногузка тащится на бал.

Другая на месте Золушки причесала бы их криво, но она была добрая и причесала их так, что лучше и желать было невозможно.

Почти два дня они даже ничего и не ели, в такой пришли восторг. Больше дюжины шнурков разорвали, стараясь их затянуть, чтобы талия выглядела потоньше. И всё время вертелись перед зеркалом.

Пришёл наконец счастливый день, и они поехали, а Золушка провожала их взглядом так далеко, как только могла. А когда они скрылись с глаз, Золушка заплакала.

Её крёстная, увидев её в слезах, спросила, что с ней.

– Мне очень хочется... мне очень хочется...

Она так плакала, что не могла договорить. А крёстная, которая была феей, сказала:

– Тебе хочется поехать на бал, так ведь?

– Увы, – сказала Золушка, вздыхая, – да...

– Что ж, коли будешь хорошо себя вести, – сказала крёстная, – я устрою так, что ты поедешь туда.

Она увела её к себе в комнату и сказала:

– Сходи-ка в сад и принеси мне оттуда тыкву.

– Золушка сейчас же пошла, выбрала самую лучшую и принесла крёстной, но никак не могла догадаться, как это при помощи тыквы можно отправиться на бал. Крёстная разрешила тыкву, вычистила так, что осталась одна корка, тронула её своей волшебной палочкой, – и в тот же миг тыква обратилась в прекрасную карету, всю золочёную.

Потом крёстная пошла заглянуть в мышеловку и обнаружила там шесть мышей, которые были живы-живёхоньки. Она велела Золушке приподнять крышку мышеловки, и как только оттуда выбегала мышь, фея касалась её своей волшебной палочкой, и мышь сейчас же превращалась в прекрасного коня, так что в конце концов у них оказалась великолепная упряжка в шесть лошадей, мышино-серых, в яблоках.

Тут она задумалась, из чего бы ей сделать кучера.

– Я пойду посмотрю, – предложила Золушка, – не попалась ли крыса в крысоловку; тогда мы из неё сделаем кучера.

– Очень хорошо, – сказала крёстная, – сходи посмотри.

Золушка принесла ей крысоловку, где сидели три толстые крысы. Крёстная выбрала из них одну за её важную бороду и, прикоснувшись волшебной палочкой, превратила её в толстого кучера, у которого были такие замечательные усы, каких никто никогда не видал.

Потом крёстная ей сказала:

– Поди-ка в сад, там за лейкой ты найдёшь шесть ящериц

Принеси их мне.

И не успела она их принести, как крёстная превратила ящериц в шесть лакеев, которые в своих пёстро разукрашенных ливреях сейчас же вскочили на задник кареты и вытянулись там так, будто только этим всю жизнь и занимались.

Тогда фея сказала Золушке:

– Ну вот, теперь тебе есть в чём ехать на бал. Ты довольна?

– Да, но разве я так поеду, в моём гадком платье?

Тогда крёстная слегка прикоснулась к ней волшебной палочкой, и в тот же миг её старая одежда обратилась в прекрасное платье, расшитое золотом и серебром, всё сплошь украшенное драгоценными камнями. Затем она дала Золушке пару хрустальных туфельек, таких красивых, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

В новом своём наряде она села в карету, и тогда крёстная строго-настрого наказала ей не оставаться на балу позже полуночи, предупредив, что если она останется там хоть минуту лишнюю, её карета вновь обратится в тыкву, лошади – в мышей, лакеи – в ящериц, а её старая одежда примет свой

прежний вид.

Золушка обещала крёстной, что непременно покинет бал раньше полуночи. И вот она едет на бал и не помнит себя от радости.

Королевич, которому доложили, что приехала какая-то знатная принцесса, которую никто не знает, бросился её встречать. Он подал Золушке руку, когда она выходила из кареты, и повел в залу, где собралось всё общество. Наступило полное молчание, танцы прекратились, а скрипачи перестали играть, так всех поразила замечательная красота незнакомки. Слышен был только смущенный шепот:

– Ах, какая она красавица!

Даже сам король, который был совсем уже стар, и тот посмотрел на неё и сказал потихоньку королеве, что давно не видал такой красивой и милой особы. Все дамы с большим вниманием рассматривали её причёску и платье, чтобы завтра же заказать себе такие же – только нашлись бы столь же красивые материи и столь же искусные мастера.

Королевич усадил её на самое почётное место, а затем подошёл к ней и пригласил на танец. Она танцевала с такой грацией, что ею ещё больше залюбовались. Подали прекрасное угощение, но молодой принц ничего не отведал, так он был занят своею дамой. А она под села к сёстрам, осыпала их любезностями и поделилась с ними апельсинами и лимонами, которыми угостил её принц. Это их очень удивило, потому что они эту даму совсем не знали.

Тут Золушка услышала, что пробило без четверти двенадцать; она сейчас же сделала глубокий поклон всему обществу и исчезла как можно скорее. Как только она вернулась домой, то пошла к своей крёстной и, поблагодарив её, сказала, что ей очень хотелось бы завтра снова поехать на бал, потому что королевич приглашал её. Покуда она рассказывала крёстной обо всём, что видела на балу, раздался стук в дверь – это приехали сёстры, – и Золушка пошла отворять.

– Ну и долго же вы не возвращались, – сказала она им, зевая, протирая глаза и потягиваясь, словно только что проснулась. Спать же ей совсем не хотелось с той минуты, как они расстались.

– Если бы ты была на балу, ты бы там не соскучилась: туда приехала самая красивая принцесса, красивей не сыскать; она была так любезна с нами, угощала нас апельсинами и лимонами.

Золушка была вне себя от счастья, она спросила их, как зовут ту принцессу, но они ей ответили, что она никому не знакома, что королевич очень тем огорчён и отдаст всё что угодно, лишь бы узнать, кто она такая. Золушка улыбнулась и сказала:

– А она очень красивая? Боже мой, какие вы счастливые! Хоть бы разок взглянуть на неё! Ах, милая Жавотта, дайте мне ваше жёлтое платье, которое вы надеваете каждый день.

– Вот уж действительно, – сказала Жавотта, – я и сама так думаю! Но чтобы я отдала своё платье грязной Черногузке! Да что я, сумасшедшая?!

Золушка ожидала, что та ей откажет, и была этим очень довольна, потому что оказалась бы в большом затруднении, если бы сестра одолжила ей своё платье.

На другой день сёстры поехали на бал, и Золушка тоже, но на этот раз она была одета ещё лучше. Королевич не отходил от неё и всё время говорил разные нежности. Молодая девушка была так счастлива, что забыла о наставлении

крёстной и услышала первый удар полуночи в то время, как она думала, что ещё нет одиннадцати часов. Она вскочила и ускользнула с быстротой лани. Принц бросился за ней, но не мог её догнать. По дороге она обронила одну из своих хрустальных туфелек, и принц с величайшей бережностью её подобрал.

Золушка прибежала домой, запыхавшись, без кареты, без лакеев и в своём жалком платье. Ничего у неё не осталось от великолепного наряда, кроме одной маленькой туфельки – такой же, какую она потеряла.

Королевич опросил привратников, не видали ли они, как из дворца выходила принцесса, но те ответили, что никого не видали, кроме одной очень плохо одетой девушки, больше похожей на крестьянку, чем на знатную даму.

Когда обе сестры вернулись с бала, Золушка спросила их, хорошо ли они веселились, и была ли опять та красавица. Они ответили, что – да, но что она исчезла, как только пробил полночь, так поспешно, что обронила свою хрустальную туфельку, такую красивую, что ни в сказке сказать, ни пером описать; что королевич её подобрал, что он всё остальное время только и делал, что смотрел на эту туфельку, и что, конечно, он очень влюбился в красавицу, которой принадлежала хрустальная туфелька.

Они говорили правду, потому что прошло немного дней, и королевич объявил во всеуслышание, что возьмёт себе в жены ту, которой придётся в пору эта туфелька.

Начали примерять: принцессам, потом герцогиням и всем придворным дамам, но никому туфелька не была впору. Принесли туфельку и двум сёстрам, которые как ни старались надеть её, но так ничего и не вышло. Золушка, которая была при этом и узнала свою туфельку, сказала, смеясь:

– А ведь, пожалуй, она мне как раз впору.

Сёстры принялись хохотать и издеваться над ней. Но кавалер, который примерял всем туфельку, посмотрев внимательно на Золушку и заметив её красоту, сказал, что было бы справедливо примерить туфельку и ей, так как он получил приказ примерить её всем девушкам. Он усадил Золушку и, надевая туфельку на её ножку, увидел, что ножка входит в туфельку безо всякого труда, и туфелька точь-в-точь впору, словно влитая. Сёстры страшно удивились, но ещё больше удивились они, когда Золушка вынула из кармана другую такую же туфельку и надела её на другую ногу. В этот миг появилась крестная, тронула Золушкино платье волшебной палочкой, и оно сделалось ещё роскошнее, чем бывало раньше.

Тогда сёстры узнали в ней ту красавицу, которую видели на балу. Они бросились к её ногам, прося прощения за всё дурное обращение, которое они заставили её терпеть. Золушка подняла их и сказала, обнимая, что прощает их от всего сердца и просит всегда её любить.

Золушку отвезли к молодому принцу в этой самой одеж-

де, и он нашёл, что никогда ещё не была она так красива. А через несколько дней сыграли свадьбу. Золушка, которая была так же красива, как и добра, поместила своих сестёр во дворец и выдала их в тот же день замуж за двух именитых придворных вельмож.

Нравоучение

Для девушки краса – сокровище. И ей
Мы любоваться вечно не устанем,
Но мы ещё счастливей станем
Благоволеньем добрых фей.
Ведь крёстная для Золушки прелестной
Была заботлива, нежна,
И, наконец, короною чудесной,
Как в сказке сказано, украсилась она.
Красивой лучше быть, чем быть в одежде модной.
Чтоб сердце привлекать, чтоб сердцем овладеть,
Что лучше грации природной?
Мы без неё ничто, с ней можно всё иметь.

Другое нравоучение

Для жизни доброй, для покоя

Богатство, честь немало стоят,
И помогают кроме них
Немало доблестей иных,
Которые даны судьбою.
Но тщетно всё это иметь,
И все таланты вас нимало не украсят,
Коль для того, чтоб ими прогреметь,
Нет крёстной маменьки в запасе.

Рике-с-хохолком

Жила-была королева, у которой однажды родился сын, такой гадкий и нескладный, что долгое время не знали, похож ли он на человека. Фея же, которая присутствовала при его рождении, уверяла, что это не помешает ему стать прелестнейшим человеком, потому что он будет очень умён; при этом она добавила, что наделяет его даром сделать такой же умной, как и он сам, ту, кого он полюбит больше всех на свете.

Всё это несколько утешило бедную королеву, которая была очень огорчена тем, что у неё родилась такая противная маргышка. И действительно, не успел ребёнок заговорить, как стал произносить все очень приятные слова, и во всех его поступках было что-то до того умненькое, что он всех очаровывал. Я забыл сказать, что он родился на свет с маленьким хохолком на голове, и потому его прозвали Рике-с-хохолком, – Рике было его фамильное имя.

Прошло семь или восемь лет, и у королевы соседнего королевства родились две дочки. Первая появившаяся на свет была хороша, как белый день; королева так была ею довольна, что боялась, как бы такая большая радость ей не повредила. При этом присутствовала та же фея, что была при рождении маленького Рике-с-хохолком, и чтобы несколько остудить радость королевы, объявила ей, что у маленькой принцессы вовсе не будет рассудка, и что она будет столь же глупа,

сколь красива. Это сильно раздосадовало королеву, но через не сколько минут она ещё больше огорчилась, когда увидела, что вторая родившаяся у неё дочка ужасно безобразна.

– Не огорчайтесь так, королева, – сказала ей фея, – ваша дочка будет вознаграждена: она будет такой умной, что никто и не заметит, что она некрасива.

– На всё Божья воля! – ответила королева. – Но разве нельзя как-нибудь устроить, чтобы и старшая, которая так красива, немножко поумнела.

– Я ничего не могу сделать для неё в отношении ума, – ответила ей фея, – но зато могу сделать всё, что хотите в отношении красоты. И так как я готова на всё, лишь бы вы были довольны, то дам ей в дар способность сделать красавцем или красавицей того, кто ей понравится.

По мере того, как обе принцессы подрастали, их совершенства также росли вместе с ними, и повсюду только и говорили, какая красавица старшая и какая умница младшая. Однако и их недостатки очень увеличивались с возрастом. Младшая дурнела на глазах, а старшая глупела день ото дня. Когда её о чём-нибудь спрашивали, она или ничего не отвечала, или говорила какую-нибудь глупость. К тому же она была ужасно неловкая, не могла поставить четырёх чашек на камин, чтобы не разбить одну из них, и не могла выпить стакан воды, чтобы не пролить половину себе на платье.

Конечно, красота – это большое преимущество в молодой девушке, а всё-таки младшая всем всегда нравилась больше,

чем старшая. Сначала всякий шёл к красавице, чтобы посмотреть на неё и полюбоваться, но вскоре уходил к младшей, которая была умней, чтобы послушать её приятные речи, и оставалось лишь удивляться, что меньше чем через четверть часа никого уже не было около старшей, а все собирались вокруг младшей. Хоть старшая и была глупенькой, но всё-таки она это замечала и без сожаления отдала бы свою красоту, чтобы быть хоть наполовину такой умной, как её сестра. А королева, при всей своей рассудительности, не могла удержаться от того, чтобы не упрекнуть её в глупости, и из-за этого бедная принцесса готова была умереть от огорчения.

Пошла она однажды в лес погоревать о своём несчастье. Там к ней подошёл человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем, весьма пышно. Это был молодой принц Рике-с-хохолком: влюбившись в неё по портретам, которые распространены были во всём мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать её и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил её здесь совсем одну, он подошёл к ней как только мог почтительнее и учтивее. Рике-с-хохолком приветствовал её как подобает, и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей:

– Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальна; хоть я и могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, всё же, надо сказать, не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу.

– Вы так любезны, сударь, – ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать!

– Красота, – продолжал Рике-с-хохолком, – столь великое благо, что она всё остальное сможет нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас.

– Я бы предпочла, – сказала принцесса, – быть столько же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но и такой глупой.

– Ничто, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль о его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его недостаёт.

– Не знаю, – сказала принцесса, – знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль.

– Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали.

– А как вы это сделаете? – спросила принцесса.

– В моей власти, сударыня, – сказал Рике-с-хохолком, – наделить всем моим умом ту особу, которую я полюблю более всего на свете; а так как эта особа – вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать такой умной, какой только можно быть, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня.

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила.

– Вижу, – сказал Рике-с-хохолком, – что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам сроку целый год, чтобы вы могли принять решение.

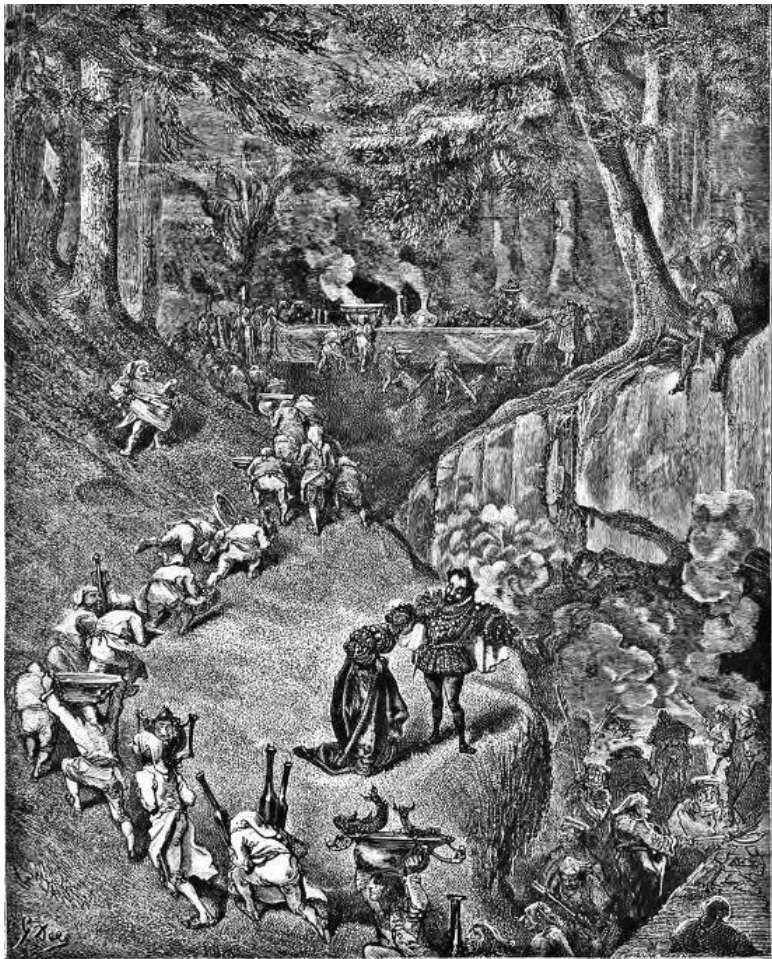
Принцессе настолько не хватало ума, и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конца; и вот она приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж ровно через год, как почувствовала себя совсем иною, нежели раньше; теперь она с поразительной лёгкостью могла говорить всё, что хотела, и говорить умно, непринужденно и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и лёгкий разговор и с таким блеском проявила в нём свой ум, что Рике-с-хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, весь двор был в изумлении и не знал, что и подумать об этом внезапном и необыкновенном превращении. Ибо, если раньше от неё только и слышали разные глупости, то теперь она говорила рассудительно и бесконечно умно.

Все придворные так радовались, что и рассказать нельзя. Только её младшая сестра была этим не очень довольна, так как она уже не могла похвалиться перед старшей своим умом, и оттого она всем теперь казалась просто очень неприятной обезьяной.

Король стал слушаться своей старшей дочери и даже несколько раз собирал совет в её покоях. Повсюду узнали об этой перемене, и все молодые принцы из соседних королевств делали всё, что могли, чтобы добиться её любви, и почти все предлагали ей свою руку, но она не находила ни-

кого из них достаточно умным и слушала всех, не выделяя никого. Тем временем явился один, такой могущественный, такой богатый, такой умный, что она не могла противиться своему расположению к нему. Отец её, заметив это, сказал, что она сама может выбирать себе жениха и что слово только за ней. Но так как чем умнее человек, тем труднее ему принять твердое решение в таком деле, то она, поблагодарив отца, попросила, чтобы ей дали время подумать.

Случайно она отправилась. погулять в тот самый лес, где

повстречала Рике-с-хохолком, чтобы там на досуге поразмыслить, как поступить. В то время как она в глубоком раздумье гуляла, ей послышался под ногами глухой шум, будто много народу бегают где-то, приходит, уходит и суетится. Она прислушалась повнимательнее и услышала, что кто-то там говорит: «Неси-ка сюда горшок». А другой: «Давай-ка сюда котёл». А третий: «Подбрось-ка дров в огонь».

В эту минуту земля разверзлась, и она увидела у себя под ногами словно большую кухню, полную поваров, поварят и прочей челяди для приготовлений к роскошному пиршеству. Тут выскочила целая толпа, десятка два-три жарильщиков, которые расположились на лесной аллее, вокруг очень длинного стола, каждый со шпиковальной иглой³⁶ в руке и с лисьим хвостом за ухом, и все они принялись работать в лад под благозвучную песенку.

Принцесса, очень удивлённая этим зрелищем, спросила их, для кого это они стараются.

– Принцесса, – отвечал ей самый видный из всей толпы, – это для принца Рике-с-хохолком, который завтра справляет свадьбу.

Принцесса, удивившись ещё более, чем раньше, припомнила вдруг, что завтра как раз пройдёт год с того дня, как она обещала принцу Рике-с-хохолком выйти за него замуж –

³⁶ Шпиковальная игла (она же кулинарная или поварская) – имеют узкую специализацию и предназначена для шпигования мяса полосками овощей или бекона.

и тут она почувствовала, будто падает с неба на землю. Дело в том, что она забыла обо всём этом, потому что, когда дала обещание принцу, была ещё дурочкой, а когда принц одарил её новым умом, то она забыла все свои прежние глупости.

Она пошла дальше, но не успела сделать и тридцати шагов, как перед ней появился Рике-с-хохолком, выглядевший молодец молодцом, великолепно одетый – хоть сейчас на свадьбу.

– Вы видите, принцесса, – сказал он, – что я крепко держу своё слово, и я не сомневаюсь, что и вы пришли сюда затем, чтобы сдержать ваше и сделать меня счастливейшим из людей.

– Признаюсь вам откровенно, – ответила принцесса, – что я ещё не приняла никакого решения и не думаю, чтобы оно могло вообще отвечать вашим желаниям.

– Вы меня удивляете, принцесса, – сказал ей Рике-с-хохолком.

– Верю тому, – отвечала принцесса, – и конечно, если бы я имела дело с человеком грубым и глупым, то была бы в большом затруднении. «Слово принцессы есть слово принцессы, – сказал бы мне он, – и вам следует выйти за меня замуж, раз вы обещали мне это». Но так как мой собеседник человек светский и притом умный на редкость, то я уверена, что он меня выслушает и поймёт. Вы знаете, что, даже когда я была дурочкой, я не могла решиться выйти за вас замуж; как же вы теперь хотите, чтобы я, сделавшись по вашей ми-

лости умной и потому гораздо более разборчивой в людях, согласилась бы на то, на что я и тогда не могла согласиться? Если вы думали на мне жениться, то вы сделали большую ошибку, отняв у меня мою глупость и позволив мне понимать всё яснее, чем раньше.

– Если глупый человек, – ответил Рике-с-хохолком, – вынудил бы ваше согласие, как вы изволили заметить, тем, что упрекнул бы вас в нарушении вашего слова, то почему же вы хотите, принцесса, чтобы я не поступил так же, когда дело идет о счастье всей моей жизни? Разве это разумно, чтобы умные люди были в худшем положении, чем глупые? Разве вы можете это допустить, вы, такая умная, вы, которая так хотели стать умной? Но вернёмся к делу, с вашего разрешения. Исключая моё безобразие, разве во мне есть что-нибудь, что вам не нравится? Разве вы не довольны моей семьёй, моим умом, моим характером или моим обращением?

– Нет-нет, – отвечала принцесса, – всё, что вы сказали, мне очень нравится.

– А если так, – продолжал Рике-с-хохолком, – я буду счастлив, потому что вы можете сделать меня самым приятным из людей.

– Как же это может случиться? – удивлённо спросила его принцесса.

– Так и случится, – отвечал Рике-с-хохолком, – если вы только будете меня достаточно любить, чтобы желать этого; а чтобы вы не беспокоились, принцесса, знайте, что та же

самая фея, которая в день моего рождения дала мне способность сделать умницей ту, кто мне понравится, вас также одарила способностью сделать красавцем того, кого вы полюбите и кому от всего сердца пожелаете этого.

– Если так, – сказала принцесса, – то я хочу от всего моего сердца, чтобы вы стали самым красивым и самым приятным принцем в мире, и даю вам в дар такую же красоту, какой я обладаю.

И не успела принцесса произнести эти слова, как Рике-с-холоком предстал перед ней самым красивым в мире молодым человеком, самым стройным и самым приятным. Иные, правда, уверяют, что дело тут вовсе не чарах феи, но что одна любовь виновата в таком пре вращении. Говорят, что когда принцесса хорошенько подумала о постоянстве своего возлюбленного, о его скромности и о всех добрых сторонах его души и ума, – она после этого больше уж не видела ни кривизны его тела, ни уродства его лица; его горб уже не казался ей горбом, а казалось, что он просто дурачится и горбится в шутку; ей больше уже не казалось, что он ужасно хромает, а казалось, что он нарочно припадает так на одну ногу, и ей это очень нравилось. Говорят ещё, что хотя он сильно косил, его глаза казались ей блистающими, и что их неправильность считала она признаком сильнейшей любовной страсти, и что, наконец, в толстом его красном носе она видела что-то воинственное и героическое.

Но, так или иначе, принцесса тут же обещала выйти за

него замуж, лишь бы он получил на то согласие её отца. Король, зная, что дочь очень уважает Рике-с-хохолком, который, кроме того, был ему известен, как весьма умный и мудрый принц, с удовольствием согласился назвать его своим зятем. Уже на другой день сыграли свадьбу именно так, как предвидел Рике-с-хохолком, и согласно задолго до того сделанным его распоряжениям.

Нравоучение

Всё, что здесь сказано учтиво,
Не сказка ведь, а жизнью нам дано:
Всё, что мы любим – всё красиво,
А всё, что нравится – умно́.

Другое нравоучение

То, что дарует нам природа,
Прекрасные черты, живых речей свобода
Каких искусством не повторишь вновь, —
Все чудные дары не принесут ту радость,
Ту безыскусственную сладость,
Которую даёт любовь.

Мальчик-с-пальчик

Жил-был дровосек с женой; было у них семеро детей, все мальчишки. Старшему было десять лет, а самому младшему только семь. Можно было удивиться, как это у дровосека за такое короткое время появилось столько детей, но его жена была проворна, и меньше двоих зараз у неё не бывало.

Были они очень бедные, и с семерыми ребятами приходилось им туго, потому что никто из семерых ещё не мог зарабатывать себе на хлеб.

А ещё огорчало их то, что самый младший был очень тихонький и слова, бывало, не вымолвит. Они думали, что это от глупости, а на самом деле это обозначало добрый его характер. Он был очень маленький, и когда родился, был не больше пальца величиной, отчего его и звали Мальчик-с-пальчик.

Бедный мальчик был козлом отпущения в доме – всегда и во всём. Он был виноват. А он был самый сметливый и самый рассудительный из всех братьев, и хоть мало говорил, да много слушал.

Пришёл однажды тяжёлый год, и такой был страшный голод, что наши бедняки решили отделаться от своих детей.

Однажды вечером, когда дети улеглись спать и дровосек

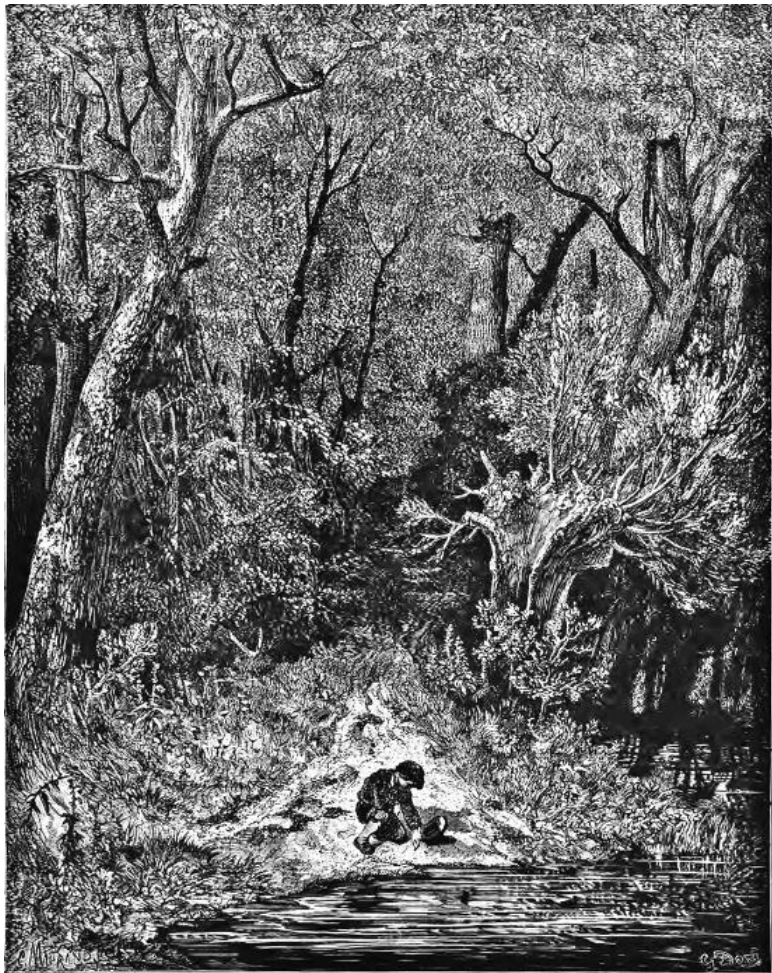
присел у огонька со своей женой, сердце у него сжалось от горя и он сказал ей:

– Ты ведь видишь, что мы больше не можем кормить наших детей. Сил нет смотреть, как они умирают с голоду у меня на глазах, и я решил отвести их завтра в лес и оставить там. Это очень просто сделать: пока ребяташки будут баловаться с хворостом, мы уйдём потихоньку, и они не заметят.

– Ах, – воскликнула жена его, – неужели ты сможешь бросить своих детей в лесу?

И сколько ни говорил он ей об их ужасной бедности, она не могла согласиться, потому что, хоть они и были бедны, всё-таки она была им матерью.

Однако, подумав о том, как страшно будет видеть их голодную смерть, она согласилась с мужем и в слезах пошла ложиться.

Мальчик-с-пальчик не пропустил ничего из того, что они

говорили. Он услышал из своей кровати, что родители толкуют о чём-то важном, встал потихоньку и залез под скамейку отца; оттуда всё было хорошо слышно, а его самого никто не видал. Потом он опять улёгся, но не спал всю ночь, а всё думал, как ему быть. Поднялся он ранним утром, пошёл на берег ручья, набил себе карманы маленькими белыми камешками да с тем и вернулся домой.

Собрались в путь, а братьям Мальчик-с-пальчик так ничего и не рассказало том, что у него было на душе. Пришли они в лес – такой густой, что в десяти шагах друг друга не видно было. Дровосек принялся рубить деревья, а дети его собирали хворост и связывали его в вязанки. Отец с матерью видят, что они занялись работой, потихоньку от них отошли, а потом вдруг свернули окольной тропинкой да и ушли во все.

Когда дети увидели, что они остались одни, то стали кричать изо всех сил и плакать, а Мальчик-с-пальчик не мешал им в этом: он-то знал как вернуться домой, потому что по дороге ронял всё время маленькие белые камешки из своих карманов. И он сказал братьям:

– Не бойтесь, отец с матерью бросили нас здесь, но я вас приведу домой. Идите за мной, только не отставайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.